

7я

СЕМЬЯ И ШКОЛА

7. 2011

Правитель
Настроений

страница

13

Три дня надежды

страница

25

Из грибного
лукошка

страница

37

Паллада
и Кентавр

страница

40

журнал для родителей

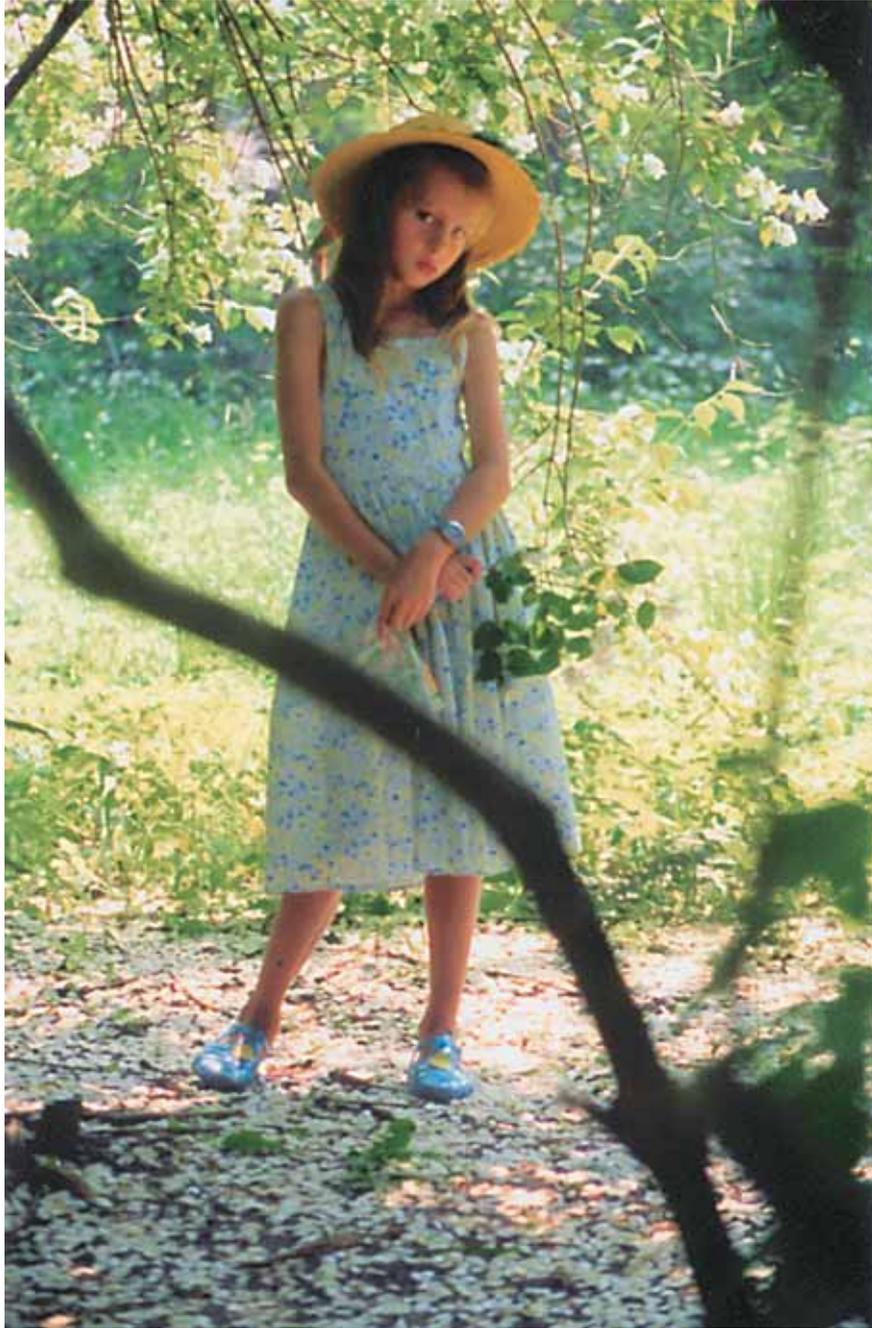

Фото Владимира Воронова

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Александрова
(художественный редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chprk.ru
Сайт: www.chprk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 7 (июль) 2011
Подписано в печать 4 июля 2011 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 1500 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

В номере:

Советы и рекомендации

Как родители и педагоги крапленными картами играют

10

Дети теперь какие-то не такие. И ведут себя иначе, а уж в тетрадки к ним и заглядывать страшно. Нерадостные наблюдения подтверждает педагог-дефектолог О. Ковалевская: нынешние дети действительно не такие, что тридцать–сорок лет назад

Владимир Леви

Пранас

13

Серьезная жизненная задача и не менее, а часто и более трудная — научиться отделять себя от чужих настроений. Чьих бы то ни было

Ольга Алексеева, Ирина Козлова

Братья и сестры

14

Грамотное и своевременное разрешение конфликтов между детьми позволит им сохранять дружеские и теплые отношения, помогать друг другу на протяжении всей жизни

Катрин Матлен, Бернадетта Коста-Прад

Как выжить в семье

Руководство для детей

32

Повод к размышлению

Новое поколение о прошлом веке

2

Работы старшеклассников, присланные на конкурс «Человек в истории. Россия — XX век», — это не просто «сочинения на тему», а настоящие исследования, основанные на честной кропотливой работе с архивами, свидетелями, литературой

Борис Бим-Бад

Музыка в детстве и потом

16

Пусть я не стал пианистом. Но только благодаря собственным усилиям

играть больших мастеров по-настоящему учиться ценить высоко искусство. Полагаю, что прикосновение к прекрасному способно наложить отпечаток на целую жизнь

Чтение

Книга для сочувствия

18

Он не такой, как все: не дает сдачи, внимательно слушает на уроках, — а потому над ним привычно издеваются одноклассники. Вот он поднялся на последний этаж, перегнулся через перила... Но его еще можно спасти, если найдется кто-нибудь, кто обратил бы внимание на то, что с ним происходит

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

20

Продолжаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Людмила Самойлова

Три дня надежды

25

Я думаю, что в августовские дни народ победил потому, что искал не врагов, а сторонников. Мы верили в ценности, которые нас возвышали. Мы надеялись, что отныне каждый, свободно обустроивая свою жизнь, будет чувствовать себя свободным строителем государства

Мария Чудакова

Злоключения русского языка в двадцатом веке

28

Нина Горланова, Вячеслав Букур

Хомячок

Рассказ

30

Домашние занятия

Кухня: из грибного лукошка

37

Новое поколение о прошлом веке

В мае подведены итоги XII Всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», на который было прислано 1934 работы старшеклассников из 862 городов, деревень и поселков страны. Это не просто «сочинения на тему», а настоящие исследования, основанные на честной, кропотливой работе с архивами, свидетелями, литературой, и, как отметил бессменный председатель жюри Сигурд Оттович Шмидт, вклад школьников и их учителей в изучение большой истории уже оценен специалистами: ссылки на сборники лучших работ конкурса — за двенадцать лет вышло семнадцать таких сборников — нередки в серьезных научных трудах. История отдельного человека, семьи, деревни, городского квартала важна для понимания мира.

Сорок победителей поднялись на сцену московского театрального центра, и полный зал собрался поздравить их и посмотреть на торжество. Многое из сказанного во время церемонии награждения хочется привести дословно.

Ирина Лазаревна Щербакова, председатель Оргкомитета конкурса:

— Завершение конкурса — для нас большое событие, но каждый раз, когда подведены итоги, мы думаем: начинать ли следующий? Ответят ли нам те, к кому мы обращаемся? Нам не легче становится работать, и вам не легче становится писать. Во-первых, сам двадцатый век уходит, свидетелей остается все меньше, в архивы попадают все труднее, кроме того, ничто так не формирует наше прошлое, как наше настоящее. Как трудно разобраться в этой агрессивной новостарой мифологии! И это, не буду скрывать, отражается на нашем конкурсе. Но когда мы читаем ваши работы, когда мы видим сегодня этот зал, то, несмотря на все трудности и подлости, на всю неразбериху и сумятицу в головах, понимаем: каждый новый конкурс — наша общая победа.

Людмила Михайловна Алексева, председатель старейшей российской правозащитной организации «Московская Хельсинкская группа»:

— Двенадцать лет назад, когда только начинался этот конкурс, его участники писали о родителях, о дедушках и бабушках, а сейчас уже о прабабушках. Да, свидетелей истории двадцатого века становится все меньше, и действительно надо спешить узнать ее, не такую, как часто показывают по телевизору и даже в школьных учебниках, а подлинную. Я очень рада за всех вас, что вы только родились в двадцатом веке, в самом его конце, а ваша жизнь приходится на двадцать первый, потому что двадцатый век, особенно его вторая половина, для всего человечества были ужасны, а для нашей страны это был неописываемый ужас. Смотрите: Русско-японская война, потом Первая мировая — миллионы погибли. А дальше — революция, перешедшая в Гражданскую войну, которая для нашей страны была еще страшнее, чем Первая мировая. Жестокое взаимное уничтожение, массовые убийства, гибель не только военных, но и мирных жителей, даже детей. Это длилось целых четыре года, а потом коллективизация, когда самый многочисленный класс российского населения подвергся репрессиям, когда у людей отбирали хлеб и они умирали с голоду, когда выселяли «классовых врагов» целыми семьями, даже с грудными детьми, отправляли в лагеря, расстреливали. Индустриализация тоже стоила больших жертв. А потом Великая Отечественная война. Да, это великая гордость — что мы победили. Весь народ воевал и приносил невероятные жертвы, не только солдаты.

Меня не взяли на фронт по возрасту, но я все помню, сколько людям пришлось вытерпеть. По себе скажу, как я проголодалась в первые дни войны, так и ходила голодная до сорок девятого года, когда в первый раз наелась так, чтобы от завтрака до обеда не почувствовать голод, при том что я еще жила сравнительно благополучно. Весь народ и победил, а не «успешный менеджер». С восемнадцатого года начался красный террор, который потом продолжили сталинские репрессии, тоже унесшие миллионы жизней, если считать расстрелянных и погибших в лагерях. А если считать всех отбывших там — мы же нация тюремная, нет семьи, которой бы это не коснулось!..

Вы изучали именно эту историю, и вы это знаете, но жить вам, к счастью, в другом веке. К счастью — хотя бы потому, что никто уже не нападет на нашу страну, сейчас нет такой опасности, и пережить войну вам, слава богу, не придется. Но, увы, в XXI веке тоже встречается много жестокости и несправедливости: несправедливости чиновников по отношению к людям, несправедливости и жестокости в судах, в отношениях между людьми, часто даже в семье. И вот я думаю: то, что вы занимались изучением этой истории, то, как это повлияло на ваши души, должно уберечь вас — я вам этого желаю! — от проявления несправедливости и жестокости по отношению к своим согражданам, вообще к людям. Спешите на помощь всем, кто в ней нуждается. Относитесь к людям так, как вы хотите, чтобы они к вам относились. И я вас уверяю... Я не знаю, спасет ли это вас и ваших близких от жестокости и несправедливости к вам, всякое может случиться, но совершенно точно, если вы так будете жить, вы будете чувствовать себя человеком, вас будут любить и уважать хорошие люди, а таких всегда больше, чем плохих.

Ирина Евгеньевна Ясина, журналист, вице-президент фонда «Либеральная политика», член жюри конкурса:

— Несколькими годами назад я имела честь быть программным директором фонда «Открытая Россия», учрежденного Михаилом Ходорковским. Мы были в числе спонсоров конкурса «Человек в истории». Помоему, единственным российским спонсором. Но речь не о том. А о том, что Ходорковский находится в тюрьме, процесс более похож на инквизицию, чем на цивилизованное судопроизводство. А это значит, что тема репрессий, о которой пишут в основном участники конкурса, жива и по сей день.

Я очень благодарна Ирине Щербаковой, которая создала этот конкурс. Я каждый год читаю книжки с лучшими сочинениями, которые издаются. Но в жюри я впервые. И это особое ощущение, когда читаешь все работы. Хочу выразить огромную благодарность учителям, которые много работали с детьми, помогая им. Я знаю, как это тяжело, как трудно вообще быть учителем, как трудно не грешить против истины, когда всё вокруг против истины грешит. Я много работаю со студентами и вижу, какие загаженные, извините за грубое слово, мозги имеют очень многие из ребят. И тем важнее то, что делает «Мемориал» и что делают школьные учителя. То, что происходит сейчас вокруг, очень сильно похоже на то, что уже было в России в двадцатом веке, хотя нынешний, повторный вариант более травоядный, порой он близок к фарсу. Но все же нам нужно понимать, что это означает. Я являюсь членом Совета по правам человека при президенте России. Мы всё это, конечно, говорим

президенту. И он всё время кивает: да-да, мы учтем, мы понимаем... Но, как видите, если что-то и делается, то только мизерные шаги, а хочется больше, скорее, лучше. Чтобы пророчество Людмилы Михайловны Алексеевой сбылось и двадцать первый век оказался лучше двадцатого.

И последнее. Мне вспоминается 1989 год. Шел Первый съезд народных депутатов, а я была беременная — моей дочке сейчас 21 год. Я жадно слушала все, что там говорилось, и страшно возмущалась, когда поднявшегося на трибуну Андрея Дмитриевича Сахарова «захлопывали», хотя он говорил очевидные всем в моей семье вещи. А мой папа Евгений Григорьевич Ясин, основатель Высшей школы экономики, стоя рядом со мной, говорил: «В прекрасное время тебе предстоит жить, потому что всего того страшного, что было в двадцатом веке, уже больше не будет». А я, почему-то вспомнив ливийского царя Креза, сказав-

шего, что судить, счастлив человек или нет, нельзя, пока он не умер, осторожно возразила: «Папа, подожди, посмотрим, каким он будет, этот век».

Но, вы знаете, все-таки все зависит от вас, от каждого конкретного человека, потому что все подлости и в двадцатом веке, и раньше, и позже, делались потому, что кто-то был за, кто-то — против, а большинство просто молчало. В последнее время в нашей стране происходят какие-то изменения. У людей не должно быть страха! За правду, о которой пишут ребята, раньше сажали, стреляли, ссылали. Вас — я обращаюсь ко всему залу, не только к детям, — никто никуда не сошлет, не расстреляет. Может быть, вас не продвинут по службе или вы заработаете меньше денег, но это небольшая цена за то, чтобы оставаться честным человеком и не идти против своей совести. Мы должны понимать, что все зависит исключительно от каждого из нас. Я часто говорю своим студентам, что самое ненавистное мне выражение в русском языке — «От меня ничего не зависит». От меня зависит все, потому что остаться человеком или не быть им — это вопрос личного выбора. Поэтому каждый раз, когда говорят, что вот некая партия получает на выборах

60 процентов, но при этом все против, я все время думаю: «А почему вы думаете, что в избирательной кабине за вами все время следят? Почему в тот момент, когда вы принимаете решение, вы повинуетесь какому-то стадному чувству?»

Вот уроки двадцатого века, дорогие мои, для вас для всех, и для меня тоже, и для наших детей. Это уроки того, что надо оставаться человеком. Я бесконечно благодарна «Мемориалу», замечательным учителям, замечательным ребятам, которые принимают в этом участие. На том фоне, который нас сейчас окружает, вы абсолютно луч света в темном царстве. Огромное спасибо вам за это!

В этом году хронологические рамки изысканий расширились в обе стороны: были работы, посвященные событиям Гражданской и даже Первой мировой войн, а были и такие, в которых показывались «события августа 1991 года глазами очевидцев из глубинки» или изучались «проблемы межнациональных отношений на постсоветском пространстве». Среди победителей — авторы пяти работ, представленных на специальный конкурс «Россия и Польша: далекое и близкое, свои и чужие».

Вот несколько цитат из работ участников XII конкурса.

«Спасаясь от смерти, спецпереселенцы бежали с места поселения. Бежали в одиночку и группами. Не всегда побеги были удачными. Но оставаться в лесах Ленского района было равнозначно смерти. Котласское общественное движение «Совесть» получило из Яренска списки имен переправленных с Макарихи и умерших в тех местах поляков. Анализ данных, прилагаемых к спискам, говорит о том, что в основном не выдерживали тяжелых условий дети до шестнадцати лет и старики. Нельзя оставаться равнодушным, когда перед глазами пробегают такие строки: Мазур Эдуард (Эдвард) — 2 года, Марковский Станислав Маркович — 1 год, Рембаш Иосиф Адамович — 78 лет, Шпонар Марьян Станиславович — 6 месяцев, Ярош Кристина Яковлевна — 11 лет... И далее, далее — всего 131 имя только из тех, которые известны. Польских могил на северной земле осталось немало. Количество жертв невозможно подсчитать точно».

(Анна Заборская, Александр Шешуков.
Польский след в памяти. Макарихи. Котлас)

«Местные жители считают приезжих потенциальными террористами и распространителями наркотиков (на вопрос, с чего они это взяли, мы вразумительных ответов не получали). Самый распространенный ответ местных жителей: «Пусть едут, откуда приехали, нечего им тут делать, эта земля наша». Мы напоминали, что им под жилье отдавали ветхий жилой фонд, никому до них не нужный и работу они ни у кого не отбирали, но нас уверяли, что в силу возраста мы «ничего в жизни не понимаем». У нас сложилось такое впечатление, что местные жители считают всех приезжих людьми «низшего сорта» просто потому, что они

другой национальности. Хотя должно-то быть по-другому в многонациональном государстве».

(Маргарита Барыкина, Сергей Симаков.
Почему мы друг друга не любим? Село Плёсс
Мокшанского района Пензенской области)

«В Эльгене женщины жили в больших бараках, очень похожих на скотные дворы, в которых стояли трехъярусные кровати, хотя кроватями-то это назвать сложно... Весной, во время паводка, река Колыма выходила из берегов и затоплила часть лагеря. Арестанткам приходилось выбираться из бараков по пояс в ледяной, обжигающей воде, многие от переохлаждения умирали. Руководство лагеря даже не пыталось хоронить умерших: трупы выбрасывали в специальные углубления за чертой лагеря... Ночью их растаскивали дикие звери...»

(Антон Протасов. Трагедии XX века
в истории моей семьи. Барнаул)

«Просмотрев информацию в Интернете, в старых газетах и литературе я снова делаю вывод, что в одном государстве существовало две страны. Первая — великая, единая держава, построившая грандиозные хозяйственные объекты, тысячи километров дорог в кратчайшие сроки. Страна, в которой успешно выполнялись пятилетние планы.

И другая страна, где человек — это лишь материал для постройки Великого государства. Страна, в которой на первый план выходят репрессии, насильственная коллективизация, в которой считают, что человек должен служить государству, а не государство человеку. Но самое главное — это страна, в которой все молчат, боятся сказать не то слово. А смогли бы такие громадные объекты, как Беломорско-Балтийский канал, Беломорско-Балтийский комбинат, Богословская ТЭЦ, Богословский алюминиевый завод, Челябинский металлургстрой, Нижнетагильский металлургический комбинат, возвестить так быстро, если бы не трудармейцы? А были бы без репрессированных выполнены планы пятилетки? Нет. И хорошо, что сейчас это начинают осознавать, говорить об этом».

(Ксения Якимова. По ту сторону правды.
Свердловская область, г. Карпинск)

С некоторыми сокращениями публикуем одну из работ, получивших на конкурсе диплом второй степени.

«Маменька родимая! Работа лошадиная...»

Татьяна Симонова,
ученица 10-го класса средней школы
села Мастюгино Острогожского района
Воронежской области
Руководитель:
Мария Егоровна Асеева,
учитель начальных классов

Трудовая биография моих земляков, которые родились в тридцатых годах двадцатого века, началась в тяжелые военные годы, им пришлось выполнять основную работу по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Это потом, в семидесятых годах, им работать стало полегче, и награды они получали за свой труд в семидесятых — восьмидесятых годах XX века. А раньше... Все, с кем мне удалось побеседовать, словно сговорившись, повторяли почти одну и ту же фразу: «Работали мы как лошади». А в воспоминаниях Марии Никифоровны Лизневой я прочитала частушку, которую сочинили ее сверстники и пели во время невыносимо тяжелой работы:

Маменька родимая!
Работа лошадиная.
Только нету хомута
Да ремённого кнута.

«Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик»

Евдокия Дмитриевна Грызлова родилась и всю жизнь прожила в селе Мастюгино. Сейчас ей 80 лет. На мой вопрос, когда началась ее трудовая биография, она сразу не могла ответить. И не потому, что по старости не помнит, а потому, что ее рассказ начался с рыданий. Ей кажется, что, сколько она себя помнит, столько и работает. Сначала в поле помогала матери на прополке. Когда немного подросла, то стала со сверстниками самостоятельно работать на колхозных полях. Было им тогда от семи до десяти лет. Бывало, что летом и ночевали в поле, начальство не отпускало домой. Вечером валились с ног и засыпали прямо на земле, без всякой постели. К утру начинали замерзать, просыпались от холода, а спать уже некогда, надо вставать на прополку. Кормили их в основном вареной картошкой, давали немного хлеба и варили компот, который называли «бурашной жижкой». Мне захотелось уточнить, что это за напиток такой. Евдокия Дмитриевна объяснила: «бурак» — это местное название сахарной свеклы — отваривали в большом чугуне, вода становилась сладковатой на вкус, ее сливали и пили. Затем в ход шла и сама вареная свекла. «Вместо конфет», — засмеялась моя собеседница. А ближе к осени дети помогали взрослым снопы вязать.

Во время войны, когда немцев прогнали из села и жители возвратились из эвакуации, пришлось Евдокии Дмитриевне работать трактористкой. «Я ведь уже взрослой стала, аж четырнадцать лет исполнилось в 1944 году. И стали таким, как я, технику доверять». МТС находилась в пятнадцати километрах от села. Нужно было добираться на работу по любой погоде самостоятельно: хоть грязь непролазная, хоть мороз, хоть пурга. А зимой еще и волки водились. И произошла однажды у Евдокии Дмитриевны встреча с волками в поле. Припозднилась девушка в МТС, отстала от своих односельчан, пошла по полю одна. Видит, навстречу волк бежит. Что делать? Бежать нельзя. Вспомнила, как мать ее учила. Упала лицом в сугроб, свернулась клубочком, лежит, не шевелится, затаила дыхание. Правда, помогло. Волк подошел, походил вокруг, понюхал и побежал дальше. А Евдокия Дмитриевна еще час, а может, больше, лежала на снегу. Ноги отказались слушаться, так испугалась. Пришла домой поздно, матери все рассказала, решила, что больше в МТС не пойдет. Мать заголосила. Дочку жалко, да она главная кормилица в семье. Тем, кто работал в МТС, больше хлеба давали. И самое страшное, что за отказ от работы всех без разбора отдавали под суд. Испугалась мать, что дочку завтра же арестуют и заберут в тюрьму. Делать нечего, утром снова в дорогу.

Вспомнила Евдокия Дмитриевна еще один случай из того времени, когда работала трактористкой. Однажды ее колесный трактор

провалился в болото. Произошло это вечером. Что же делать девочке с такой бедой, да еще ночь наступала? Бросить трактор нельзя, за технику строго наказывали в то время. Решила сама его вытаскивать. Привязала веревку, впряглась, как лошадь, и потянула. А трактор ни с места. Расплакалась от бессилия. Пошла в село за подмогой. Нужно трактор спасать. Кругом темно, ни единого фонаря, обрывистые яры. Хранил господь за молодость, за бесстрашие. Добралась к утру, все рассказала. Свои близкие поверили, что ни в чем она не виновата. А вот начальство... «Был один комсомольский секретарь, Иван Григорьевич, все хотел узнать, не специально ли я трактор утопила. Как обидно было. Я и так боялась ответственности, даже сама пыталась его вытащить, все свои жилочки порвала, пока его тянула, а он подозревать меня вздумал. Вот какое страшное время мы пережили! Никакой жалости к народу не было».

Когда трактор вытащили, он снова подошел к девушке и сказал: «Если бы не война, я тебя бы отправил туда, где Макар телят не пас. А то работать-то некому». Евдокия Дмитриевна до сих пор не может понять, почему в то время постоянно искали виновных, наказывали людей ни за что, с детей спрашивали так же, как и со взрослых. А дети и подростки заменяли и мужчин, ушедших на фронт, и тягловую силу. Ну прямо как в частушке, которую спела Евдокия Дмитриевна: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

В 1948 году Евдокия Дмитриевна стала работать дояркой. Работа была тоже тяжелой, но имела свои преимущества. Во-первых, до фермы было ближе, чем до МТС. Ходили женщины все вместе, поджидали друг друга. А самое главное, иногда украдкой можно было выпить глоток молока. Ведь вслед за разрухой следовал голод, а для восстановления страны каждый двор облагался налогом. Сдавали свиные шкуры, яйца... Нет шкур, нет яиц — покупали, выменивали на картошку, а налог государству сдавали. Человеку неведомо, но он подчинялся.

Труднее всего работалось на ферме осенью и весной. Даже зимой в сильный мороз намного легче работалось. А весной и осенью грязь непролазная. Дорог асфальтированных не было. По улицам не пройти, и на ферме к сараям не подойдешь. Сапоги, которые носили доярки, назывались «литые», тяжеленные, да еще грязь налипнет. Идет доярка на работу или с работы, на ногах пуд тяжести несет. Трактор на ферме работать не мог, застревал в навозе и грязи. Навоз из сараев вывозили на лошади. Но однажды лошадь стала тоже тонуть, и правление колхоза решило: всю работу на ферме выполнять до морозов вручную. Доярки разносили коровам корм, воду, подчищали и выносили навоз. «Наработаешься так, что домой еле ноги волочешь», — говорит Евдокия Дмитриевна.

Я задала вопрос Евдокии Дмитриевне: а не хотелось ли ей уехать куда-нибудь из села. На что она ответила: «Да у нас даже паспортов не было. Горожанам паспорта выдавали, а колхозникам — нет. А без документов никуда не уедешь. Когда их дали, люди сразу из колхозов разбежались кто куда».

«Лошадей жалели, людей — нет»

Когда я шла беседовать с Василием Митрофановичем Асеевым, то немного побаивалась. Ведь мужчины не так словоохотливы, как женщины. Поэтому я попросила Марию Егоровну сходить со мной. Но Василий Митрофанович встретил нас с радостью и от беседы не отказался, а наоборот, сразу же включился в разговор. Он сказал: «Я всегда с большим желанием рассказываю своим детям и внукам о том, какими были мои родители, как я прожил свою жизнь. И это не ради сострадания ко всем нам, а для того, чтобы они могли знать имена своих предков и их судьбы. И радуюсь, когда им интересно слушать. Боюсь, что память уйдет из людского сердца». После его слов я сразу поняла, как важно людям старшего поколения высказаться. Они словно очищают свою душу от всего страшного, несправедливого, пережитого ими. Тем более, ни дети, ни внуки до двухтысячных годов ни разу не слышали историю об отце Василия Митрофановича. Никто о нем за много лет никому ничего не рассказывал. Жена и дети словно забыли эту историю. Может, боялись вспоминать? И вот только теперь настало время, когда мы можем свободно говорить обо всем, что много лет лежало на сердце тяжелым грузом.

Родился Асеев Василий Митрофанович в селе Истобном Репьевского района Воронежской области в 1935 году. Работать начал в семилетнем возрасте в 1942 году. Ему пришлось стать помощни-

ком конюха — своего отца. Да и как отцу не помогать, если он был очень слабого зрения. По этой самой причине отца и на фронт не взяли. Если начинало темнеть, он уже ничего не мог видеть. И приходилось брать ему с собой на работу среднего сынишку Василия. От зари до зари помогал мальчик отцу. Время было трудное, все работали, хлеб сеяли, а убирать не пришлось. Летом 1942 года село заняли немецко-фашистские захватчики.

И вот незадолго перед приходом немцев ехал Василий с отцом на лошади с поля. Уже темно было. От усталости Вася заснул. Отцу жалко было его будить, чтобы следил за дорогой. Он подгонял лошадь, спешил домой. И случилась беда. Налетела лошадь на какой-

то острый предмет, упала, встать не смогла. Наутро пришлось ее прирезать. Знал Митрофан Яковлевич об ответственности за погибшую лошадь и сильно тогда испугался. Дети слышали, как ночью плакала мать, как молилась перед иконами и просила защитить их отца. Понимали взрослые, что с Митрофана Яковлевича строго спросят за погибшую лошадь. Но местным властям было не до этого. Приближался фронт. Наступали немецкие войска, и вскоре село было оккупировано. Но Митрофану Яковлевичу не удалось избежать ответственности. Много бед и страданий выдержали люди «под немцами». А когда пришло освобождение, не успели вздохнуть свободно. «Раскопали дело отца о погибшей лошади, обвинили его в расхищении колхозного имущества, арестовали. Мать собрала нас, повела к председателю. Она плакала, умоляла простить отца, мы плакали. А я больше всех. Ведь тогда я винил себя, что, не усни тогда на телеге, может, и не случилось бы беды с лошадью. Никто нас не пожалел. Лошадью жалели, людей — нет». Сколько лет отцу дали за лошадь, Василий Митрофанович не помнит. Только с тех пор дети своего отца больше не видели. Что с ним случилось, никому не известно. Как часто бывает, беда одна не ходит. После ареста отца злые люди украли у Асеевых корову. С того времени совсем худо стало жить их семье. Голодные послевоенные годы пережили с трудом. Старшие братья ходили, просили милостыню или траву-лебеду собирали по полям, ею и питались, а младший пухнул от голода. Чудом остался жив. Мать должна была на работу ходить, выработать трудовни. Ведь обязательный минимум трудовней по сравнению с предвоенным был увеличен в полтора раза. Я спросила у Василия Митрофановича, правду ли писали в районной газете «Большевик» от 3 августа 1944 года о том, что мужчины за день вручную скашивали по 1,72 га сена, а женщины при норме 0,30 га скашивали по 0,70 га. Ведь это же очень много. Василий Митрофанович ничуть не сомневался в этом. Только сам удивлялся, откуда у голодных людей бралась такая сила.

Василий Митрофанович считает свой трудовой стаж с семилетнего возраста. Началась и закончилась его трудовая биография в колхозе. Столько лет проработал и ни разу не был в отпуске. Зарабатывать деньги на строительство дома уезжал на производство, затем вернулся, своими руками построил новый дом. Помочь было некому. «Был бы у меня отец... Война его пощадила, немцы оставили живым, а пропал человек из-за какой-то лошади», — сказал Василий Митрофанович и отвернулся от нас, чтобы мы не видели его слез. А потом добавил: «Да и лошадь была тут ни при чем, так многие

тогда добивались повышения по службе, выслуживались перед начальством. И у нас в колхозе был такой человек, главным бухгалтером работал. Мы позднее узнали, что по его доносу наш отец пострадал. Только поделаться уже ничего не могли, отца-то не вернешь».

«Сила-то здесь нужна лошадиная»

В каком году родилась Мария Егоровна Кудрявцева, точно не установлено. Ее мать говорила: «Наутро колхоза ты родилась». Отец говорил, что в 1933 году, а в паспорте стоит дата — 1930 год. Это она сама себе записала, когда в 1949 году решила завербоваться на производство «зарабатывать копейку». Невыносимо жилось в колхозе всем в то время, но особенно тем, у кого не было родителей. У многих отцы погибли на фронте. «А мой с войны пришел, но радость была недолгой. В 1948 году посадили в тюрьму за 700 граммов подсолнечного масла на семь лет». Вот так! Я еще раз убеждаюсь в том, что скорее всего мне не удастся найти человека в моем селе, кого бы не коснулась страшная политика доносов, обвинений, незаслуженных арестов.

Масло собрали с жителей села на счет налога государству. И родители Марии Егоровны также сдали масло, выскребли из дому все до блески. Свезли на колхозный двор, который находился в

центре села. Из больших бидонов слили масло в бочку для отправки в район, но на дне бидонов все равно немного осталось. И Егор Давидович, отец Марии Егоровны, в свое ведро слил эти остатки. Кто-то, наверное, увидел и заявил на него. На следующее утро отца арестовали, масло забрали. Целый месяц он находился под следствием. А затем суд и приговор — семь лет тюрьмы. В этот же день осудили с ним вместе жительницу села Шуленину Любовь Петровну. У нее муж погиб на фронте, дома остались трое маленьких детей. Любовь Петровна набрала на колхозном поле сумку колосков для своих голодающих детей. За это получила три года тюрьмы. Детей забрали близкие родственники. На поле ее увидел бригадир, догнал, сумку отобрал, заявил в милицию. Как она просила простить ее ради малых детей! На суде просила не сажать ее в тюрьму, напоминала о том, что осталась вдовой и не могла прокормить троих детей, вот и собрала сумочку колосков. Не пощадили! Егор Давидович отбывал наказание в тюрьме в нашей Воронежской области недалеко от Боброва. Освободился он в 1953 году на два года раньше срока, в связи со смертью Сталина.

В 1949 году, приписав к своему возрасту три года, Мария Егоровна вместе со своими односельчанами завербовалась на производство. Набралась их целая бригада. Приехали они в Подмоскowie на стройку. Их бригада, состоящая из молодых девушек, должна была выполнять очень тяжелую работу: носить на носилках раствор, поднимать его на второй, третий этаж по ступенькам. Тому, кто становился и брал носилки позади, приходилось поднимать тяжесть на уровень головы, иначе раствор упадет с носилок. Не все могли поднять такую тяжесть. И Марию Егоровну никто не взял с собой в паре работать. Как она поднимет этот груз, когда у самой веса всего сорок килограммов, а здесь сила нужна была лошадиная.

Да, именно так ей сказал бригадир. «Сижу я на своем мешке с вещами и плачу. Куда же мне теперь деваться? Домой самовольно не уедешь — посадят в тюрьму, да и денег на обратную дорогу нет, работать не берут, а как жить?» Была с ней вместе двоюродная сестра, сходила к начальнику стройки, попросила для Марии Егоровны другой работы. Дали работу полегче — кирпич подносить. Как она была им всем за это благодарна! Устроилась понемногу, работает, а зарабатывает только себе на пропитание. Те девушки, которые раствор носят, уже обнови себе купили, а Мария Егоровна «на легком труде» концы с концами еле сводит. Питается одной соленой килькой, да и та наполовину гнилая.

Прислала из дому мать ей посылку с подсолнечными семечками. По совету односельчан, отнесла она эти семечки бригадиру, стал он наряды закрывать побольше. Появились у девушки денюжки. И так несколько раз. Заработала за год Мария Егоровна себе денег на юбку, платок и чулки. Вот уж действительно копейку заработала. В селе до сих пор жители, вспоминая, как они ездили на производство, говорят: «Как мы копейку зарабатывали». Через год вернулись девушки домой. А в колхозе, как была нищета, так и осталась. Даже на чулки не зарабатываешь, одни трудодни. Побывала девушка с матерью и братьями два месяца, навестила отца в тюрьме, передачу отнесла ему и снова на производство завербовалась. Опять ее путь лежал в Московскую область. Только теперь она попала на лесозаготовку. И здесь, по словам Марии Егоровны, было несладко. Чтобы свалить дерево, привязывали к нему веревки и тащили. Дерево при падении могло привалить кого-нибудь, поэтому нужно было еще и успеть увернуться от падающих деревьев. Работали по колено в воде. Возвращались в свой барак после смены мокрыми с ног до головы. Одну девушку втайне от начальства оставляли топить печку, чтобы после работы можно было быстрее согреться и высушить одежду. А про-

веряли строго, все ли вышли на работу, приходилось и прятаться, и убегать в барак во время работы, чтобы начальство не заметило. На лесоповале девушкам платили немного больше, но все равно денег не хватало даже на то, чтобы вволю поесть хлеба. Мария Егоровна вспомнила: «Сядем обедать, увидим, что самолет летит, и просим: «Самолет, самолет, сбрось нам хлеба по кусочку к обеду». Здесь она снова не удержалась, расплакалась. А я подумала, что и до войны им трудно жилось, и в войну, и после, уже сколько лет прошло, а жизнь моих земляков никак не улучшается, они даже хлеба вдоволь не наедаются. Неужели все так бедствовали?

На этот вопрос моя собеседница ответила, что не все так трудно жили. Начальники жили хорошо. И одевались неплохо, и не работали от зари до зари. Но лучше всех у нас в селе жил налоговый агент, Весельев Сергей Алексеевич. Он собирал налоги с населения. Ох и лютовал, ох и лютовал! Для государства он налоги собирал или больше для себя, сейчас трудно сказать. Но он даже платки и материю из сундуков вытаскивал, непонятно, зачем государству были нужны эти платки. А выбирал-то поярче, покрасивее. Как дальше рассказала Мария Егоровна, каждая яблоня или другое какое фруктовое дерево облагалось налогом. Вот жители села и вырубали все деревья, и к 1958 году село осталось без единого деревца. Налогового агента не волновало, уродились яблоки или не уродились, растет в саду яблоня — сдай в государство определенное

количество яблок. И мои земляки решили именно так избавиться от этого налога.

И в третий раз ездила Мария Егоровна на производство, потому что в колхозе снова ничего не платили, «душили людей налогами». Завербовалась в Архангельск на лесопильный завод. Девушки пилили доски, обрезали их на станке, затем сбивали из этих досок ящики. Здесь и тепло было, и платили больше, можно бы заработать, но не пришлось. Случилось несчастье. Мария Егоровна получила известие о том, что ее мать погибла на колхозной работе, ее задавило соломой, и она умерла. А дома оставался младший брат. Нужно было возвращаться. Так и осталась Мария Егоровна в селе, растила младшего брата и ждала возвращения отца.

Судьбы моих земляков — это история страны

С каждой новой беседой я все больше испытывала чувство негодования той несправедливостью, которая преследовала любого человека, попавшего под жернова репрессий, наговоров, доносов. По совету руководителя я обратилась к пожилой учительнице истории Екатерине Иосифовне Рыжковой с просьбой объяснить мне непонятные законы того времени, и услышала то, что и предполагала. Семья Екатерины Иосифовны также подвергалась преследованиям за то, что ее отец был предприимчивым человеком. Он вместе с братьями заготавливал лес, рубил срубы для домов и продавал. У них было три лошади, две коровы, конюшня, амбар и добротный дом. Вот его и зачислили в кулаки. Хорошо хоть, что семью никуда не выслали. Просто переселили в маленькую хатенку, а в их доме разместился сельский совет. «Когда я ребятам на уроках истории объясняла тему про колхозы, то вслух рассказывала о пользе коллективизации для страны, а про себя думала совсем наоборот. Но сказать этого нельзя было. Это я только сейчас вам об этом говорю. Не боюсь». А потом шепотом добавила: «Законы тогда были сталинские. Сталин своей жестокостью народ покорила, заставил молчать. Это он один во всех бедах людских виноват». Екатерина Иосифовна

прожила долгую жизнь. Сейчас ей восемьдесят три года. Многое изменилось в жизни за эти годы. Самое главное, полностью поменялось сознание людей. И даже старенькая учительница, которая всю свою трудовую деятельность, как мне рассказывала руководитель Мария Егоровна Асеева, читала доклады перед жителями села накануне праздника Великого Октября и выкрикивала лозунги: «Да здравствует великий Сталин! Да здравствует великий Ленин!», — даже она полностью изменила свое мнение о многих исторических событиях.

В ходе работы мне удалось найти фотографии сороковых-пятидесятых годов прошлого века: жители нашего села выполняют разные работы в колхозе. Мы с Марией Егоровной долго рассматривали их, находили знакомых людей. А я не переставала удивляться услышанному и увиденному. Евдокия Дмитриевна Грызлова говорила, что сельчане любили петь песни. А я смотрю на их одежду, на выражение глаз, на измученные лица и думаю: тут не петь, а кричать нужно: «Маменька родимая! Работа лошадиная...»

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Мобильные телефоны могут таить в себе риск заболевания раком

Согласно заключению международной комиссии под эгидой ВОЗ, получены «ограниченные» подтверждения того, что «длительное пользование мобильным телефоном, возможно, повышает риск возникновения опухолей двух типов», в том числе злокачественных.

«Излучаемая мобильными телефонами радиочастотная энергия, возможно, повышает риск возникновения глиомы, разновидности рака мозга, и невриномы слухового нерва, доброкачественной опухоли нерва, соединяющего ухо с мозгом», — говорится в докладе Международного агентства по изучению рака (МАИР). Оба заболевания редки, а полученные результаты не окончательные. Достаточных оснований для того, чтобы связывать с мобильным телефоном другие типы опухолей, нет.

Заключение МАИР примечательно тем, что в первый раз независимая группа ученых заняла позицию, отличную от нейтральной. В его основу

легли результаты исследования по программе «Интерфон», которые свидетельствуют: люди, использующие мобильный телефон в течение 10 лет и более, имеют удвоенные шансы получить глиому. Если пользоваться телефоном в среднем по 30 минут в день в течение 10 лет, риск повышается на 40 процентов. Для снижения угрозы ученые рекомендуют гарнитуры, громкую связь и смс-сообщения.

Скептиков заявление МАИР приводит в недоумение. Они утверждают: с увеличением количества исследований о мобильных телефонах всё больше накапливается доказательств того, что риск заболевания раком не повышается.

Производители радиопередатчиков призывают не придавать большого значения выводам ученых, в частности потому, что в категорию «возможно канцерогенных», помимо телефонов, попадают 256 других факторов риска, включая бензин, работу в химичке, кофе и маринованные

овощи. Здесь нет никакого прорыва. Это обзор того, что уже существует. Это не откровение, как бы некоторым того ни хотелось.

Приятно поболтать с подругой!

Избыточный вес у школьников — бремя на всю жизнь

Обсуждая проблемы ожирения, обычно говорят о вреде переедания для здоровья, однако важны не только физиологические, но и экономические последствия: люди с избыточным весом менее успешны на рынке труда. Особенно остро эта проблема стоит для полных женщин, у которых гораздо меньше шансов получить образование в колледже, пишет «Нью-Йорк Таймс».

Основываясь на данных исследования, проведенного среди более чем 10 тысяч выпускников средних школ штата Висконсин 1957 года, ученые сделали вывод, что мужчины с избыточным весом не сталкивались с проблемами при приеме на работу и продвижении по служебной лестнице. Зато полные женщины выполняли работу с более низкими зарплатами и социальным статусом, чем их стройные сверстницы. Истинная причина, по мнению авторов исследования, состоит в том, что для женщин с избыточным весом ниже вероятность получения диплома колледжа вне зависимости от

их способностей, целей, которые они перед собой ставят, или социально-экономического статуса. Вывод: более низкий уровень образования — главная причина низких карьерных достижений у женщин с избыточным весом, причем это верно и для тех, кто впоследствии терял вес. (У мужчин такой закономерности не наблюдается.)

Причина, по мнению ученых, может быть в том, что девушки с избыточным весом чаще подвергаются насмешкам в школе, чем юноши. Подростки, плохо контактирующие со сверстниками и учителями, реже идут учиться в колледж. Для решения проблемы необходимо не только пропагандировать здоровый образ жизни. Так как ожирением заболевают дети все более младшего возраста, профилактическую работу надо начинать еще в начальной школе, а государственные программы здравоохранения должны считать проблему ожирения не частной неудачей людей с избыточным весом, но вопросом государственной важности. «Экономический ущерб для женщин с избыточным весом — это не просто череда личных несчастий: он может способствовать росту неравенства между богатыми и бедными, подтачивая человеческий капитал и экономическую производительность нации», — заключают авторы исследования.

Опасные вещества в игрушках

Экологи Гринпис сообщили, что тесты обнаружили во многих игрушках, сделанных в Китае, повышенное содержание фталатов — размягчителей виниловой пластмассы или поливинилхлорида. Фталаты отмечены в 21 из 30 образцов игрушек и товаров для детей, которые были закуплены в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Гонконге и направлены на экспертизу в независимую лабораторию. Лишь в двух случаях они составляли менее 10% веса продукта, а в одном случае их содержание превысило 43%.

Использование в детских изделиях фталатов запрещено в Европе и США (в самом Китае нет таких ограничений). Эти химикаты, взаимодействуя с гормонами человека, искажают развитие гениталий у детей.

Китай не в первый раз оказывается в центре скандалов, связанных с нарушениями норм безопасности при производстве продуктов питания и предметов домашнего обихода. В 2008 году пищевая добавка, содержащаяся в сухом молоке, привела к гибели шестерых и отравлению десятков тысяч детей.

Такая милая игрушка!

Расслабляться надо уметь!

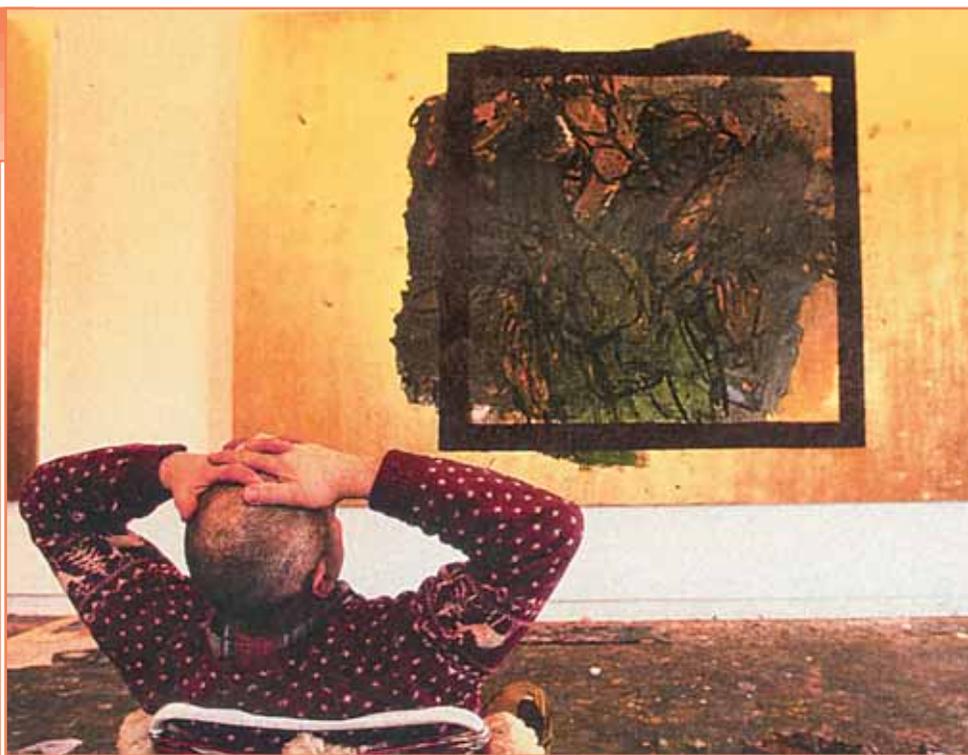
О важности умения управлять стрессом

На конференции Ассоциации психологов Запада в Лос-Анджелесе было представлено исследование, согласно которому ощущение счастья на четверть обусловлено умением человека справиться со стрессом.

Три тысячи респондентов из США и 29 других стран заполнили онлайн-анкету, состоявшую из 28 утверждений, которым предлагалось дать оценку, а также вопроса о том, насколько счастливыми и успешными в личной и профессиональной жизни они себя чувствуют. Выяснилось, что самый эффективный метод управления стрессом — планирование: «Бороться со стрессом еще до того, как он случился, планировать, а не плыть по течению. Это означает — строить планы на день, год и жизнь с целью минимизации стресса».

К сожалению, в общем и целом люди из рук вон плохо справляются с управлением стрессом. А стресс, попросту говоря, убивает. Он является «важным фактором ускорения биологических часов», и лучший способ борьбы с ним — его недопущение.

А тем, для кого планирование само по себе стресс, предлагаются другие методы управления им, такие, как расслабление. Этому способствуют занятия йогой, применение дыхательных техник, медитация. При этом лучше практиковать их предупредительно: так приобретается «иммунитет» от стресса. Советуют учиться дышать животом (брюшное дыхание расслабляет мышцы всего тела и снижает

уровень стресса), избегать поверхностного дыхания. Также полезно думать о вещах нейтрально или позитивно, а не негативно: события вокруг нас не очень-то поддаются контролю, но мы можем практически полностью контролировать то, как мы их толкуем.

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной печати
и радио)

Как родители и педагоги крапленными картами играют и к каким последствиям это может привести

Покинув школу после своего выпускного вечера и попав в нее вновь только с собственными детьми, любой внимательный человек обратит внимание: дети теперь какие-то не такие. И ведут они себя иначе, а уж в тетрадки к ним и заглядывать страшно. В нашей юности «трава была зеленее»? Вовсе нет, подтверждает нерадостные наблюдения педагог-дефектолог *Ольга Ковалевская*: нынешние дети действительно не такие, что были тридцать — сорок лет назад.

Идеальный первоклашка

Каждую весну школы, особенно те, что считаются престижными (по некоторым данным, в столице таких — каждая четвертая), штурмуют родители будущих первоклассников. И у каждого — без этого просто не состоится разговор — в руках медицинская карта. Как правило, здоровье у всех детей почти идеальное: в графе диагнозов редко можно увидеть какую-то болезнь серьезнее «крыловидных лопаток». Но даже если ребенок действительно болен (страдает астмой, например), то соматическими диагнозами все и ограничивается. Что же касается болезней и состояний, которыми занимаются невропатологи, психиатры, психологи, педагоги-дефектологи, логопеды, то в детских картах они отражаются крайне редко.

А между тем, по данным Института возрастной физиологии Российской Академии образования, у каждого пятого ребенка, поступающего в школу есть «пограничные» нарушения. К концу первого класса таких детей уже две трети. Что ж, все объяснимо: детской нервной системе сложно справляться с новыми требованиями, с возросшими психическими и физическими нагрузками.

В обычных медицинских справках подобные состояния, как правило, никак не отражаются, но они мешают учиться полноценно... Чем же страдают наши дети?

Страшные буквы

Неврологические, логопедические, дефектологические диагнозы все до одного звучат совершенно непонятно и оттого очень страшно. Как правило, вместо человеческих слов специалисты используют труднопроизносимые аббревиатуры. Разберем, что же за ними кроется.

Чаще других (но все равно крайне редко) в детской карте логопед пишет «ОНР» (общее недоразвитие речи) или «ФФН» (фонетико-фонематическое нарушение). При ОНР ребенок говорит «не по возрасту», у

него нарушено звукопроизношение, недостаточен словарный запас, он испытывает затруднения при использовании грамматических форм. Ребенок с ФФН плохо воспринимает звуки на слух.

Иногда невролог пишет диагноз ММД — минимальная мозговая дисфункция. Считается, что она возникает как результат сложной маминой беременности, тяжелых родов. Ребенок с ММД может испытывать затруднения с речью, вниманием, памятью, письмом, но при этом быть «умным» — по интеллекту он не отстает от сверстников. Большую часть логопедических диагнозов (дислексия, дисграфия и т. д. — см. № 1 «Семьи и школы» за этот год) можно рассматривать как частные случаи ММД.

Следующий по частоте диагноз — СДВГ, синдром дефицита внимания с гиперактивностью. По сути, это наиболее распространенный вариант ММД, «Гиперактивный» дошколенок непоседлив, несобран, быстро устает, инфантилен и импульсивен. В школе он недисциплинирован, может вдруг стать вспыльчивым, задиристым, агрессивным; ему трудно учиться — и в результате у него складывается заниженная самооценка...

ЗППР — задержка психоречевого развития. Такой диагноз ставят детям старше пяти лет, он вырастает из ЗРР — задержки речевого развития. ЗППР (кроме уже описанных причин, которые общие у ММД, СДВГ и еще доброго десятка аномальных состояний) могут вызвать, например, тяжелые детские болезни, особенно в первые три года жизни, черепно-мозговые травмы или просто оставленные без внимания частые падения. Известно, что страдают именно те области мозга, которые формируются тогда, когда неблагоприятное воздействие происходит, — независимо от того, каково это воздействие. Нередко ребенок плохо слышит и поэтому отстает в развитии. На все это родителям повлиять сложно — можно только с помощью специалистов преодолевать последствия.

ЗППР нередко возникает у детей в бедной языковой среде или в двуязычных семьях, переехавших жить в центральную Россию. В детском саду, в школе, во дворе ребенок волей-неволей вынужден говорить по-русски. Между тем этот язык для него неродной — по сути иностранный, маленького человека никто не учил правильно на нем говорить и понимать других людей. Дома же все разговоры — на родном и понятном.

Специалисты нередко отмечают наследственный характер ЗРР и ЗППР. То есть, если папа в свое время поздно заговорил, то и с его сыном может быть то же. Замечена такая печальная тенденция: от поколения к поколению задержка в развитии носит все более тяжелый характер.

Нельзя сбрасывать со счетов и неправильный прикус: аномалии развития зубочелюстной системы достигают 80 процентов всех стоматологических заболеваний; нередки случаи, когда анатомия ротовой полости у ребенка такова, что он просто физически не может нормально говорить, а это, естественно, ведет к психологическим проблемам и сложностям в школе.

Отдельно следует сказать о заикании. В среде неспециалистов считается, что это проблема по большей части логопедическая, однако логопед в одиночку может помочь не более чем пятой части детей. До 80 процентов заикающихся — пациенты невролога! Причем надо учитывать, что далеко не любой невропатолог или логопед умеет работать с заикающимися детьми, таких специалистов бывает найти не так-то просто. К заиканию нередко приводит, кроме каких-то относительно естественных причин, еще и неправильное поведение родителей и педагогов, в частности, принуждение леворукого ребенка активно действовать правой рукой. Еще серьезнее проблема, если ребенок — скрытый левша. Тогда взрослые наносят ему вред, действуя «против природы», сами о том не подозревая. И это особенно обидно.

Практически не замечаются (и не отмечаются) врачами нетяжелые проявления аутизма. Диагноз, конечно, получают дети, у которых «все и так видно». Но только специалист, наблюдая ребенка достаточно длительное время, может определить, «от характера» или «от аутизма» замкнут и погружен в себя пациент. От успешности и точности диагноза зависит (без преувеличения!) вся будущая жизнь человека, так как в этих случаях методики обучения и лечения различны. К слову сказать, даже полное обследование ребенка у логопеда занимает не менее полутора часов — за меньшее время сложно определить весь комплекс проблем и составить индивидуальный план занятий.

Разумеется, существуют и другие состояния детей, требующие внимания и коррекции при помощи специалистов; мы остановились только на самых распространенных диагнозах.

Молчание — золото?

Многие родители любой ценой стараются получить «чистую» медицинскую карту для своего ребенка — желательно вообще без каких-либо диагнозов. В случае, когда ЗППР или заикание бросается в глаза даже неспециалисту, с врачом «договариваются». Зачем? Чтобы не возникало вопросов при записи в школу, чтобы никто не усомнился, что их ребенок — лучший. Да и просто чтобы потешить свое родительское самодушие. Обвинять всех таких родителей в безответственности было бы неправильным. Разумеется, школьному психологу, логопеду, да и хорошему учителю было бы проще работать, зная заранее, чего ждать от первоклассника, им было бы понятно, как реагировать на ошибки в тетрадях, или на вроде бы беспричинные слезы, или на драку с одноклассником. Но это в идеале. В реальности же происходит совершенно иное.

Андрея отдали в школу, где учителем в старших классах работала его бабушка. В медкарте было честно написано: СДВГ. Мальчика записали в класс к самой уважаемой учительнице (у нее — высшая профессиональная категория). Однако увиденный диагноз полностью парализовал не только ее волю, но и волю школьного психолога. Учительница не делала ничего, чтобы проблемный ученик не имел физической возможности задрать других детей как на переменах, так и на уроках. Психолог предлагала родителям обиженных одноклассников поработать с их сыновьями и дочками — дескать, родители этого мальчика к ней не обращаются, а потому и сделать она ничего не может. Наконец был найден «выход» — беспокойного ребенка на перемене стали отправлять

под надзор бабушки. Венцом истории стала безобразная драка, в которой первоклассник «со справкой» чуть не изувечил одноклассника, после чего его перевели в параллельный класс. Возможно, было бы лучше, если бы в школе никто не знал о его СДВГ, и тогда, не исключено, учительница как-то пыталась бы контролировать поведение своего ученика, считая его просто дурно воспитанным. Да и другие родители не обсуждали бы «диагноз», если бы эту тему им не подкинула педагог.

Но и учительнице, проявляющей такую педагогическую беспомощность, сложно предъявить претензии. Дело в том, что, кроме дефектологов, «проблемных» детей (а их перед учителем в классе, напомним, — два ряда из трех) и методы работы с ними изучают только дошкольные педагоги, большую часть которых готовят педучилища, переименованные ныне в колледжи. То есть формально заподозрить, что ваш ребенок нуждается в коррекции и особом подходе, может и обязан человек, не имеющий даже высшего образования! Школьные учителя, и особенно — предметники, работающие в средней школе, имеют представление о дефектологии только в том случае, если сами захотели его получить. Но, согласитесь, обязать их к этому никто не может. Правда, существует мнение, что хороший учитель должен интуитивно чувствовать особенности ученика и то, как надо себя с ним вести. Но ведь «чувства» невозможно включить в служебные обязанности.

Между тем заметно снять напряжение в описанной истории с Андреем могла бы партка, отодвинутая от общего ряда. Так мальчик во время урока не сумел бы дотянуться до одноклассни-

ков, а учительница получила бы возможность контролировать его работу на уроке. Есть, кстати, школы, где такие «особые» парты имеются практически в каждом классе начальной школы; прием работает достаточно успешно. А вот Андрею, увы, не повезло...

Фатальные ошибки

Раскрывать или нет школе «семейную тайну» — решать родителям в каждом конкретном случае. Возможно, действительно для всех будет лучше, если диагноз не станет достоянием гласности. Но вот чего однозначно нельзя делать — это не оказывать ребенку никакой помощи. Пусть обращения к специалистам будут неофициальными и не найдут отражения в карточке районной поликлиники — главное, чтобы с ребенком работали педагоги-дефектологи, психологи, логопеды... И обязательно — невролог, поскольку практически любое из перечисленных состояний на разных этапах требует назначения медикаментов, — что вправде делать только врач.

Почему мы так настойчиво говорим об обращении к специалистам? В народе бытует мнение, что ребенок «перерастет», что большая часть его проблем носит возрастной характер. Действительно, какая разница, в два года он заговорит или в три? Не все ли равно, что он пишет в тетрадях в первом классе, — оценок-то все равно не ставят. Конечно, от тройки по русскому еще никто не умер, да и аттестат о среднем образовании у нас получают практически все. Но тревогу бьют ученые. По их данным, 70 процентов детей с СДВГ (при отсутствии коррекционно-развивающей работы) в подростковом возрасте начинают тянуться к алкоголю, наркотикам, демонстрируют склонность к правонарушениям. С возрастом кое-кому, конечно, удастся «выправиться». Но половине некогда «проблемных» детей, на которых никто не обращал «правильного» внимания, во взрослой жизни мешают забывчивость, рассеянность, неумение организовать себя. У них отсутствуют навыки планирования, они недостаточно инициативны, часто меняют работу, их преследуют проблемы в семейной жизни. Круг замыкается.

Предельной наивностью со стороны родителей было бы рассчитывать на то, что, когда ребенок пойдет в школу, проблемы из домашних автоматически превратятся в школьные. Конечно, никто не запрещает спросить совета у учителя. Но по поводу патологически безграмотного письма (а оно, как правило, является проявлением дисграфии — логопедического диагноза) вам в большинстве случаев предложат «больше заниматься», «больше читать» и «писать дома диктанты». С точки зрения логопеда совет совершенно безграмотный — так проблема

Фото
Владимира
Воронова

будет только загнана внутрь, а в средней школе проявится с новой силой, уже дизорфографией. Между тем найти логопеда для восьмиклассника гораздо сложнее, чем для второклассника, и почти никогда это не будет логопед, штатно работающий в школе.

Родителям важно знать еще и такую вещь. По данным биохимиков и нейрофизиологов, познавательный процесс, протекающий на фоне положительных эмоций, вызывает в организме выработку ряда веществ, активирующих мышление и делающих запоминание и усвоение более эффективным. Напротив, возникающие в ходе обучения отрицательные эмоции провоцируют выработку «гормонов стресса», которые снижают способности ученика к обучению и запоминанию. Не правда ли, ничего нового? Но положительные эмоции у ученика могут возникнуть только в том случае, если у него «получается», если его хвалят и поощряют взрослые. Учителю зачистую не до таких почти медицинских тонкостей. Вертелся — замечание, недостаточно каллиграфический почерк — оценка на два балла ниже, выкрикнул с места — вон из класса... А дома — выволочка от родителей, чтобы семью не позорил. И ребенок, придя в школу с нормальным интеллектом (а все диагнозы и состояния, о которых мы говорим, не служат противопоказанием для обучения в обычной школе и неплохо поддаются коррекции), к окончанию четвертого класса становится убежденным (и убедительным для окружающих) «твердым троечником».

Что делать?

➔ Если вы подозреваете, что ваш ребенок — в группе риска по перечисленным диагнозам, а врачи, с которыми вы общаетесь «в дежурном режиме», говорят о «размытом понятии нормы», найдите действительно компетентных специалистов. Они могут работать в медико-психологических или консультационных центрах, профильных научных институтах, частных или государственных специализированных клиниках. Вам необходимо выяснить обоснованность своих подозрений и выстроить свое дальнейшее поведение таким образом, чтобы исключить психотравмирующую ситуацию для ребенка (а заодно и для себя).

➔ Если для вас актуальна проблема билингвизма, озаботьтесь обучением ребенка русскому языку. Сейчас уже существует немало мест, где ему помогут выучить русский как иностранный, чтобы впоследствии он смог учиться в обычной школе.

➔ Если вы обнаружили в медкарте ребенка какую-то незнакомую аббревиатуру, обязательно выясните, что она означает. Написав ОНР, врач может ничего не сказать вслух, решив,

что родители и так все видят и знают, а ребенок останется без необходимой помощи. Если нет возможности спросить врача, обратитесь к альтернативным источникам информации.

➔ Не следует стремиться любой ценой отдать ребенка в «престижную» школу. Не случайно языковые спецшколы имеют право отказать (и отказывают) в приеме выпускнику логопедического детсада или ребенку с дефектами речи — плохо говоря на родном языке, он просто не осилит изучение с первого класса еще и иностранного. Возникший стресс и непосильная нагрузка могут оказаться для него чрезвычайно опасными.

➔ Не следует одновременно с поступлением в общеобразовательную школу отдавать ребенка еще и в музыкальную, и в художественную, а также в три спортивные секции разом. Поступление в первый класс само по себе — стресс, к тому же оно совпадает по времени с «кризисом семи лет». Вашему малышу и так тяжело! Все внешкольные занятия никуда не денутся через полгода или год, когда ребенок адаптируется к школе.

➔ «Проблемным» детям необходим более частый отдых, чередование видов деятельности, выполнение творческих заданий. Ребенку с СДВГ очень полезно бывает походить во время урока по классу — после этого он легче досидит за партой до звонка. Можно дать ему какое-то поручение — например, протереть доску. Ребенок будет двигаться, в то же время не ощущая к себе «особого» отношения и не испытывая отрицательных эмоций.

➔ К детям с ММД в нашей стране и за рубежом подходят по-разному. У нас они считаются объектом клинической психологии. «Основная проблема, — говорится в открытом письме родителей детей с СДВГ министру образования России, — в том, что методики и подходы, принятые на вооружение в нашей школе, не учитывают индивидуальные особенности детей и приводят к неуспеваемости, причем эффективных способов коррекции неуспеваемости в школе тоже нет». За границей считается, что это — проблема педагогической психологии. Каждому ребенку необходим «сопровождающий» — взрослый, который будет выполнять с ним различные задания, возможно, даже присутствовать на уроках в школе. У нас бывает так, что не справляющийся учитель, особенно в первом классе, требует, чтобы на уроках сидела мама или бабушка и контролировала поведение своего ребенка. Такое «сопровождение» пользы не приносит — при сложном ребенке быть буквально педагогом («ведушим ребенка») может только специалист с профильным образованием. Точно так же бесполезны «дополнительные занятия» с учителем за роди-

тельские деньги. На них в присутствии педагога ребенок выполняет домашние задания, никаких же специальных коррекционных мероприятий в это время не проводится — обычный учитель этому просто не обучен.

➔ Продленка — не для «проблемного» ребенка! Конечно, не у всех родителей есть возможность забирать его из школы сразу после уроков. Но продленка «по полной программе» абсолютно непосильна для любого человека. Только представьте: смогли бы вы сами за одной и той же партой просидеть с 8.30 до 19.00 с редкими перерывами, во время которых надо «держаться в руках»? После такого и взрослому-то гарантирован тяжелый невроз в самое ближайшее время. К тому же в таких условиях однозначно плохо будет выполнено домашнее задание, и ребенка еще и накажут. Поэтому обязательно продумайте, как по возможности избежать продленки.

➔ Каждому необходим индивидуальный подход, уважение к личности, поддержание чувства собственного достоинства. Не следует ругать ребенка, особенно первоклассника, за недостаточно красивый почерк или грязь в тетради. Учителя почему-то именно в этой части стремятся к идеалу, на самом же деле достаточно, если ребенок будет писать просто понятно и аккуратно.

➔ Не стоит заострять внимание на «одноразовых» странностях своего ребенка, даже если учитель настаивает на немедленной и жестокой расправе. Если ребенок разулся на уроке, или вдруг ни с того ни с сего расстегнул брюки, или даже укусил учительницу (бывали и такие случаи), всерьез реагировать следует только тогда, когда действия повторяются и их невозможно объяснить возникшей ситуацией. Возможно, вам понадобится консультация невролога или даже детского психиатра.

➔ В сложных случаях школа может созвать медико-психологическую комиссию. Обычно в нее входят весьма компетентные специалисты — вплоть до профессоров и докторов наук. Вердикт не всегда радует: вдруг вам порекомендуют перевести ребенка в коррекционную школу? Однако надо знать: обязать родителей выполнить решение комиссии права никто не имеет, но вся ответственность за последствия полностью ложится на законных представителей ребенка.

➔ В любом случае будьте морально готовы сменить школу, если в ней возникла затяжная ситуация, травмирующая психику. Важно, чтобы ребенок в школе не страдал, — только тогда он вырастет счастливым человеком; иначе последствия могут быть необратимыми, непредсказуемыми и печальными.

Записала Елена Никитина

Пранас

Владимир Леви

Важно научиться отделять себя от своего настроения...

Это так, но не менее серьезная жизненная задача и не менее, а часто и более трудная — научиться отделять себя от чужих настроений. Каких бы то ни было. Чьих бы то ни было.

Сколько ни говори, сколько ни пиши об этом (а я много и говорил, и говорю, и писал, и вот прямо сейчас пишу) — всё будет мало, всё будет ничтожно мало... Потому что чужие настроения (как и свое собственное!) — это стихия: чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайя...

И тем не менее и тем более: жизненная задача. А иной раз, и нередко, — жизнеспасительная.

Настроенческие террористы — есть такая категория личностей — способны ломать, калечить и разрушать всё: и работу, и праздник, и мысль, и радость, и семью, и судьбу, и здоровье, и душу. Один лишь звонок настроенческого террориста может быть подобен атомной бомбардировке... Но этого не произойдет, *если*:

- есть понимание, *кто* действительно с тобой говорит (эмоциональный террорист — это *всегда* отчаявшийся ребенок, и никто более);
- есть понимание права на истинно *свое* настроение;
- есть навык поддержания своего желаемого настроения ауто- и ролевым тренингом, мышечной и дыхательной тонопластикой.

Эмоциональщина, настроенщина — есть такая разнузданная манера, довольно распространённая, такой душесшибающий стиль поведения и общения. Стиль, мягко выражаясь, неинтеллигентный, а по существу жлобский и где-то подлый, при котором эмоция идет впереди своего содержания и во многие разы превышает его значимость — нагнетание, гипертрофия и перегрев, до горячего мороженого включительно. Нечто противоположное английскому understatement — принятому в британской культуре ограничению градуса эмоциональной экспрессии даже при выражении самых интенсивных чувств. Understatement — «недовысказывание», сдержанное высказывание... Английская сдержанность, да, она самая — запрет на эмоциональщину, запрет даже и на приближение к ней. То, что русским воспринимается как нормальное высказывание с оживленной эмоциональной окраской, для англичанина уже зашкаливает...

Интересно, что нечто подобное understatement, есть в своем духе и в другой островной стране — Японии. Не потому ли, что жизнь в вынужденной многовековой тесной прижатости друг к другу волей-неволей заставила островных жителей выработать защитные средства от настроенческого террора, ввести эти средства в психологическую и эстетическую культуру, в менталитет?

Как необходимо и как естественно поселить в себя Пранаса — Правителя Настроений — я

ощутил, работая в психиатрии. Там без этого Пранаса быстро свихнешься или загнешься. Знаменитая неизбежная депрессия психиатров-первогодков... Проходя по палате, где один обрушивает на тебя ураган дикой злобы, другой душевраздирающе стонет и плачет, третий торчит в ступоре, источая вокруг себя мозговую заморозку ужасающей мощи, четвертый хохочет так, что судорога этого смеха скрючивает тебе селезенку и разрывает прямую кишку, — хочешь не хочешь, вспомнишь, что тебе-то вестись этими настроениями не обязательно, что ты можешь и должен иметь *свое*. Ясно вроде бы, элементарно, и чего тут понимать?..

Вся-то штука в том, что сильное чужое настроение (и даже не очень сильное) действует на нас произвольно — прошибает подсознанию. Включается древний врожденный механизм — реакция на эмоцию эмоцией, реакция «настроение А — настроение А» или «настроение А — настроение В». На агрессию, например: либо ответная агрессия, либо страх и подавленность. На смех — тоже смех или, скажем, агрессия... На плач — жалость (свернутый плач, эмпатический) или (у некоторых родителей на плач детский) опять же агрессия, в сдерживаемой форме — раздражение... А Пранаса нет и в помине. И не догадываются, что такое Верховное Существо существует в природе и потенциально — в каждом из нас...

Мыслящее существо, всего лишь мыслящее существо этот Пранас. Мыслящее и претворяющее свою мысль в свои состояния. *Настроение* — *осмысление* — *решение*. Вот его основной алгоритм.

Хороший врач, и особенно хороший психиатр или психолог-психотерапевт, находится в связи с настроениями своего пациента, но от них не зависит (скажем точнее — зависит в минимизированной степени). Резонирует, но в регулируемых пределах. Также и хороший педагог, хороший воспитатель, хороший родитель по отношению к настроениям ребенка и хороший артист — по отношению к настроениям публики. Без Пранаса здесь просто никуда, пиши пропало...

...Как-то давно, в советские еще времена, видел одного индийского йога... Из него исходила мощная сфера ровного света. В ней не было ни мажора, ни минора, но было и то, и другое уже в ином качестве, соединенно объемном — с тончайшими нюансами-переливами, какие бывают при свете зари. Разноцветные лучи всевозможнейших настроений, присутствовавших одновременно. И все они находились под управлением одного Великого Целого, словно ноты в безмерно громадном аккорде...

Это был воплощенный Пранас.

Такая гармоническая душевная полифония бывает свойственна просветленным старцам и чистым и светлым детям, которые не имеют никаких предвзятостей — души, совершенно открытые полноте бытия. Видишь иной раз такое дитя и думаешь: а что будет дальше?.. Сохранится ли это? Скорее всего, затемнится сминающим потоком повседневных влияний... Но ведь где-то внутри останется, но ведь есть же *Пранас*...

Братья и сестры

Научитесь грамотно и своевременно разрешать конфликты между ними

**Ольга
Алексеева,
Ирина
Козлова**

Разговор
об отношениях
между
братьями
и сестрами
был начат
в декабрьском
(2010 год)
номере
журнала

Гармоничное воспитание в семье невозможно без учета отношений между братьями и сестрами. Какими они бывают? Разными! Порой в них больше любви, понимания и поддержки; но нередко — конкуренции и жестокости. Одна из самых волнующих проблем для родителей, когда они решают завести второго или третьего ребенка: как будут относиться дети друг к другу маленькими, и тогда, когда они вырастут? Будут ли поддерживать друг друга в сложных жизненных ситуациях? Вот сегодня возник конфликт, и как помочь им выйти из него, так чтобы обида не осталась на всю жизнь?

Может возникнуть вопрос: почему так важны хорошие отношения между братьями и сестрами? Как они могут помочь в формировании детского характера? Дело в том, что семья — это своеобразная модель мира для ребенка. Общаясь с братьями и сестрами, маленькие члены семьи учатся общаться с людьми вообще. Известно, что дети, у которых не сложились отношения с близкими, испытывают трудности с друзьями и учителями в школе. А когда они становятся взрослыми, у них нередко проблемы с супругом, с коллегами по работе и с начальством.

Отношения между братьями и сестрами могут быть поддерживающими и доверительными. Дети, растущие в одной семье, часто знают самые сокровенные тайны друг друга, защищают друг друга в школе и в семье. Чтобы подчеркнуть особую доверительную связь с кем-то, говорят: «Она мне как сестра», а слово «братство» подразумевает единение близких по духу, живущих одной целью людей.

С другой стороны, отношения между братьями и сестрами могут быть напрямую связаны с соперничеством, конкуренцией и ревностью. Дети соперничают за родительское внимание, за успех среди окружающих, что нередко приводит к тяжелым и затяжным конфликтам. Как избежать таких проблем? Ответ однозначный: начинать воспитывать в детях любовь и уважение друг к другу с момента появления на свет нового члена семьи.

Семейные психологи не зря подчеркивают, насколько важно, как старший ребенок прореагирует на появление младшего. Они рекомендуют ни в коем случае не скрывать от него то, что скоро появится новый член семьи; напротив, стоит не раз поговорить о том, что ждет семью. В беседах с ребенком не назойливо, но постоянно подчеркивайте, насколько он значим для родителей; а с появлением брата или сестры их любовь к нему не станет

меньше! После рождения малыша мам и папам важно выделять время для игр и совместных занятий со старшим ребенком; по мере возможностей привлекать его к уходу за маленьким братом или сестрой. В то же время уход за малышом не должен становиться скучной обязанностью старшего ребенка.

Зачастую родители замечают, что характер старшего ребенка с появлением младшего испортился или резко ухудшился: он начинает драться, дразниться. Если разница в возрасте между детьми небольшая, то изменения в поведении порою носят катастрофический характер: старший теряет приобретенные навыки, перестает самостоятельно есть, ходить в туалет, начинает хуже говорить. Если ребенок уже школьник, возникают проблемы с успеваемостью. Зачастую все эти явления связаны с естественным желанием ребенка привлечь родительское внимание.

Так, в беседах с психологом одна мама рассказывала, что во время кормления младенца ее пятилетний сын залезал на спортивную стенку и с криком и плачем требовал снять его оттуда. Это происходило почти при каждом кормлении малыша. Выяснилось, что с рождением младшей сестры произошли существенные изменения в жизни старшего ребенка: он стал посещать детский сад, все чаще проводить время у бабушек. Такие изменения вполне понятны: у мамы уже попросту не хватает ни времени, ни сил общаться с ним по-прежнему. Однако в данном случае не стоило отдавать ребенка в детский сад именно тогда, когда появилась младшая сестра. Это можно было сделать за некоторое время до ее рождения или же чуть позже. Ведь ребенку тяжело справиться с двумя важными событиями одновременно, тем более что они напрямую связаны с частичной утратой материнского внимания.

Самое неблагоприятное — когда старший ребенок начинает проявлять агрессию, причем не только в отношении сверстников или родителей, но и в отношении малыша, вплоть до того, что требует избавиться от него. Один четырехлетний мальчик предлагал выкинуть новорожденную сестру, а другой вообще перешел к действиям: перевернул коляску с маленьким братом. В таких случаях родителям совершенно необходимо обратиться к психологу — он поможет справиться с агрессивным поведением.

Сама обстановка в семье также очень сильно сказывается на том, как дети ведут себя друг с другом. Если мама и папа часто ссорятся, делая сви-

детелями этих ссор детей, то у них возникает сильнейший стресс, который потом и порождает агрессивное поведение. Даже малыши начинают кричать, плакать, швыряться игрушками и бить окружающих, когда видят, как люди кричат друг на друга или дерутся. Хуже всего, когда родители ради достижения собственных целей используют детей. Мама объединяется с дочкой против папы и сына, папа и сын «дружат» против жены и дочери. Тут, конечно, конфликтов между детьми не избежать, хотя причина этих конфликтов не в плохом отношении брата к сестре или сестры к брату, а в том, что их настраивают друг против друга родители.

Правда, бывают и обратные ситуации: когда в семье разлад, старший начинает ограждать младшего от всех неприятностей, становится терпимым, заботливым и нежным. Родителям важно помнить: какая бы катастрофа ни происходила в их супружеской жизни, дети не должны о ней знать! Это правило касается и тех случаев, когда один из родителей в депрессии; например, после развода. Мать и отец заняты своими собственными переживаниями и перестают обращать внимание на детей, становятся холодными, отстраненными в общении. Все это отрицательно влияет на детей, на их эмоциональное состояние; следствие: они начинают ругаться и ссориться. Всех этих проблем можно избежать, если даже в самой неблагоприятной ситуации родители находят в себе силы оградить детей от своей депрессии и не менять стиля поведения и воспитания.

Дети растут, и если родителям удалось избежать ревности старшего после того, как родился младший, все равно никто не застрахован от ссор и конфликтов. Именно старший ребенок, его качества и поведение в большей степени влияют на то, каким образом сложатся отношения между детьми в дальнейшем: будут ли они близкими и теплыми — или конфликтными. Старшие дети (независимо от пола и возраста) главенствуют в отношениях с братьями и сестрами, чаще становятся инициаторами и руководителями игр, их поведению присуща где-то даже строгость. Известно, что если в детские ссоры не вмешивается родитель, то верх возьмет старший ребенок и получит то, чего он хочет, — за счет младшего.

С другой стороны, в разумных пределах доминирование не только не вредит, но может и помогать развитию как младшего, так и старшего. Если

старший обучает младшего, играя роль учителя, то в будущем и тому и другому будет проще учиться в школе. Однако следует помнить, что старший, каким бы развитым он ни был, как бы прекрасно ни учился в школе и как бы хорошо ни относился к своему брату или сестре, никогда не сможет дать ему или ей столько, сколько могут дать родители. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы младшие дети полностью оказывались на попечении старших.

Итак, старшие дети чаще всего лидеры. А младшие? Те обычно более эмоциональны, они в большей степени привязаны к своим братьям и сестрам, чаще скучают в их отсутствие, болезненно переживают расставание. В совместных играх они скорее берут на себя роли ученика и ведомого. Многие младшие дети зачастую более замкнуты, у них меньше друзей в школе и во дворе по сравнению с первенцами. Это связано с тем, что для младших детей брат или сестра — друзья «от рождения»: им проще общаться с ними, чем со сверстниками. Именно младшие тяжело переносят уход первенца из семьи во взрослую жизнь.

Часто психологам приходится сталкиваться с такими случаями, когда выясняется, что дети по-разному воспринимают друг друга и отношения между ними. Одному ребенку может казаться, что отношения близкие, тогда как другой будет считать, что они с сестрой/братом практически не общаются. Английская исследовательница Джудит Данн, которая занимается изучением отношений между братьями и сестрами, проводила интервью и выяснила, что только четверть из опрошенных пар одинаково любят друг друга. В своей книге «Почему братья и сестры так отличаются друг от друга» она приводит такие примеры:

Нэнси (12 лет, сестра Карла): Он очень хороший. Думаю, мне было бы одиноко, если бы не было Карла. Мы много играем вместе, у него всегда много идей, и это так здорово. Он очень добрый. Не знаю, что бы я делала, если бы у меня не было брата.

Карл (9 лет, брат Нэнси): Она довольно противная, и мы почти не разговариваем. Я ее совсем не знаю.

А когда я делаю что-то не так, она очень грубо меня обрывает.

Часто подобное расхождение в оценках детских отношений связано с продолжительным конфликтом. Дети злятся друг на друга, но в общении с психологом или даже родителями один или оба стараются это скрыть. За видимо дружелюбным фасадом могут скрываться серьезные обиды. А так как известно, что характер и качество отношений между братьями и сестрами может оставаться неизменным даже во взрослом возрасте, скрытые конфликты лучше всего разрешать как можно быстрее.

С другой стороны, дети действительно могут воспринимать отношения по-разному. И тогда они могут даже не осознавать, что их брат или сестра испытывает к ним негативные чувства. Тут необходимо выяснить, с чем это может быть связано.

Следует сказать, что ссоры и конфликты между детьми не всегда вредны. Конфликты позволяют выразить свои эмоции и чувства. И вовсе не обязательно, чтобы «воюющие» дети не любили друг друга. Их хорошее отношение друг к другу может быть таким же сильным, как и негативные эмоции, которые они высказывают в пылу ссоры. Главное тут то, как они «выходят» из конфликта, как учатся его завершать. Так, все может сводиться к шутке или к поиску компромисса — тогда все довольны. В будущем любой ребенок может не раз попадать в сложные ситуации; в отношениях с братом или сестрой он приобретает знание, как выйти из любого конфликта с достоинством, учится понимать переживания других людей, слушать их аргументы, старается посмотреть на все с позиции другого человека. Хуже, когда в семье дети видят, что ссоры завершаются взаимными оскорблениями или физическим насилием. Такое поведение закрепляется, и велика вероятность, что именно его ребенок и будет использовать во взрослом возрасте.

Нет пар братьев и сестер, отношения которых были бы идеальными, а ссор вообще не возникало бы. Но родителям важно обращать внимание на то, что является причиной конфликта, насколько затяжными являются обиды, как быстро мирятся дети, как быстро забывают о том, что произошло. В некоторых семьях мальчики и девочки могут спорить из-за мелочей по несколько раз на дню, тогда как в других столь же незначительные поводы приводят к тому, что дети (чаще всего подростки) по несколько месяцев не разговаривают друг с другом. Грамотное и своевременное разрешение конфликтов между детьми позволит им сохранять дружеские и теплые отношения, помогать друг другу в любых сложных ситуациях на протяжении всей жизни.

Ольга Сергеевна Алексеева, научный сотрудник Психологического института Российской Академии образования,
Ирина Евгеньевна Козлова, младший научный сотрудник того же Института

Музыка в детстве и потом

Борис Бим-Бад

Карьера вокалиста. Сколько помню себя (поначалу отрывочно — с 1943, наверное, года), на стене нашей комнаты у окна висела радиотарелка образца, как я сужу по экспонатам музеев, аж тридцатых годов. Это легкое изделие из плотной бумаги соединялось тонким проводком с розеткой городской радиосети, благодаря чему наша семья была в курсе всех сводок Совинформбюро. Но во время войны и после нее из тарелки частенько неслись и звуки классической музыки: чарующие романсы, арии, а иногда даже целиком звучали оперы.

Незаметно для себя косолапый малыш начал мурлыкать что-то из военных песен. Получив снисходительное одобрение окружающих, я приступил к освоению репертуара Ивана Семеновича Козловского: помнил вместе с ним чудное мгновенье, мимолетное виденье и чистую красоту. Надежда Андреевна Обухова пела русские романсы, на мой вкус, даже не хуже моей мамы. Благодаря Сергею Яковлевичу Лемешеву я становился жаворонком, льющим песни между небом и землей.

Подлинным бичом для соседей я стал в школьные годы, когда репетировал дома номера из репертуара школьного хора (вечером, после уроков), особенно в 1953-м. Примерно в это время в небольшом зале рядом с гостиницей «Москва» открыли «Стереokino». Хорошо помню яблоневую ветку в цвету, вылезшую из экрана прямо в зал во время сеанса «Ночи перед Рождеством». Революцией в моей иступленной приверженности к вокалу стал фильм-опера «Алеко», где Рахманинов и Огнивцев объединили усилия, чтобы навеки превратить меня в фаната оперы.

Отныне диким фальцетом, долженствующим заменить бас, я изнывал на всю округу: «И что ж? Земфира неверна! Моя Земфира охладела».

Более того, я стал прислушиваться к «Руслану и Людмиле» и любым другим операм, достигавшим моего слуха из тарелки. В круг моего «пения» вошел также «Иван Сусанин», затем «Евгений Онегин».

Конец этому безобразию положил друг моего отца, незабвенный Рафаил Ефимович, который как-то меланхолически заметил: «Знаешь, Борька, голос у тебя, конечно, не сильный, но очень, очень противный».

Одновременно меня выгнали из рая — из школьного хора. Не приняли меня и в хор Дома пионеров. «Не расстраивайся, мальчик! У нас так много разных кружков».

Я брел домой полностью, окончательно погибшим человеком. Жить мне не разрешали. Зачем мне жизнь без исполнения партий! Без романсов! Без «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч, Над тобой летят журавли»?! Все рухнуло, «все, все прошло. И навсегда», — как правильно выводил Борис Гмыря.

Но, дотопа до дома, я уже знал: никто и ничто не в силах запретить мне петь про себя. И до сего дня (как же красиво!) мужественно тяну: «Ты взойдешь, моя заря, Над миром свет прольешь, Последний раз взойдешь, Лучом приветным горя... Взгляну в лицо твое, последняя заря. Настало время мое! Господь, в нужде моей Ты не оставь меня!..»

Хотя до конца своей жизни я больше не пел вслух, иначе как в лесу, в поле или в ванне, где вокруг меня точно не было вдов и сирот, оперу я не разлюбил. «Какой я мельник, говорят тебе, Я ворон, а не мельник»; «Ты видишь, я живу, страдаю, Но в страш-

ный миг, когда узнаю, Что мне не суждено ей овладеть, Тогда останется одно...»; «Ты наряжайся и лицо мажь мукою. Народ ведь платит, смеяться хочет он. А Коломбину Арлекин похитит»; «Не узнаю, друзья, я сам себя, Не узнаю Григория Грязного!»; «Ах, ради дней прошедших, светлых дней! У нас ведь было счастье!». И многое, многое иное.

Я стал завсегдаем оперных спектаклей. В 1963 году в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко поставили «Катерину Измайлову» по Шостаковичу. Перед антрактом оркестр играл тутти, полным составом, и фортиссимо — предельно громко. Единственный раз в моей жизни музыка буквально гальванизировала меня: через меня был пропущен неизвестно откуда взявшийся электрический ток. Тело мое вибрировало. В меня попала молния, и, когда медленно зажегся свет и Перун отвел от меня десницу свою, я всем существом ощутил, что я уже не тот, что прежде.

Прежде Сталин предстал передо мной как кровавый Нарцисс, но сейчас я узнал, что он параноик, «отдыхающий» только после очередного убийства. «Катерина Измайлова» Дмитрия Дмитриевича Шостаковича — анатомический портрет зла. Души оголтелого людоеда: к цели — по трупам. По трупам. Парализовавшая меня музыка живописала ад, царящий в душе злодея. Сталин не мог выдержать такой правдивой картины, дополненной еще и зарисовками каторги, в которую он превратил значительную часть огромной страны. И потом, если столько шума из-за какой-то пары трупов, то какая же музыка должна изобилить ад его «сердца» — его, уничтожителя миллионов? Сталин был вне себя от гнева. Появилась разгромная статья об опере — печально известный пасквиль «Сумбур вместо музыки».

Лет через пятьдесят после того музыкального эксцесса под именем «Катерина Измайлова» я провел и опубликовал исследование жизненного стиля Сталина. Полвека я изучал психику серийных убийц. А вы говорите — опера...

Карьера пианиста. Лет с семи родители начали обучать меня музыке. Дома — от дедушки осталось пианино. Учительница приходила ко мне два раза в неделю и без скандалов и кровопролитий научила меня разбирать ноты, записывать их, играть гаммы, этюды и довольно скоро — несложные красивые вещицы Владимира Ивановича Ребикова (из клавира его чудесной оперы «Ёлка»), Петра Ильича Чайковского («Детский альбом») и Гайдна. Годы три прозанимался я у этой умной и милой учительницы, а потом в семье почти совсем не стало денег, и уроки пришлось бросить.

Но кратковременному сему эпизоду суждено было сыграть очень серьезную роль в последующей моей жизни.

Во-первых, из самой первой тетради для начинающих осваивать фортепьяно я узнал, что музыка упорядочивает и делает явным то, чем пропитана вся природа и вся жизнь — ритм. Помню рисунок крана, из которого капает вода. Подзатынул кран, и капли медленно ритмично сочатся, пустил воду чуть сильнее, и капли поспешили одна за другой — опять же ритмично. Ритмично тикают часы. Взвод солдат ритмично отбивает шаг: раз, два, три. Ночь и день, лето и зима, танец и стихотворная строка, перестук колес поезда, и во всем, и во всем господствует красота, то есть упорядочивающий ритм.

Передо мной открывалась музыка сфер, ритм Вселенной как ключ к гармонии мира. Постепенно во мне крепло отношение к искусству как упорядочению жизни. Неожиданно оно распространилось

на математику, а затем — и на все точные науки. Мост между музыкой и математикой построила в моем сознании уже в школьные годы учительница математики, которая как-то повела нас, девятиклассник, на лекцию своего бывшего ученика, ставшего доцентом МГУ. Как пушкинский Сальери, доцент поверил алгеброй гармонию — исчертил формулами всю высоченную доску.

Бог мой! Оказывается, музыка и есть математика. А математика, стало быть, сродни музыке. Я полюбил математику. Каким прекрасным казалось мне в начале десятого класса доказательство биннома Ньютона. Я не стал математиком (как и певцом), но эстетическое восприятие математики очень помогло усвоить уже в зрелые годы алгебру логики (исчисление высказываний), другие части дискретной математики, как и теорию вероятности в ее приложении к научным экспериментам. Это здорово помогло мне в научной работе.

Во-вторых, в восьмом классе я влюбился в девочку, которая была чистой воды, несомненной тургеневской девушкой и, между прочим, потрясно играла седьмой вальс Шопена и «Лунную» Бетховена. Вдруг мне вспомнилась папка с нотами, заброшенная на антресоли. Сам, без учителей, без руля и ветрил, засел я за инструмент. В течение года я восстановил все, что успелось забыть, но тут мне довелось наткнуться на маленькую книгу Ференца Листа о своем друге Шопене.

Это была еще одна революция в моей судьбине. Ни раньше, ни позже я не встречал слов, с такой точностью и энергией передававших самые тонкие нюансы жизненных музыкальных переживаний.

В превосходном переводе С. А. Семеновского, книга была опубликована у нас в 1956 году.

«Всякий, внимательно изучивший и проанализировавший творения Шопена, не может не найти в них красот самого высокого порядка, совершенно новых чувств, оригинальной и искусной гармонической ткани. У него смелость всегда находит себе оправдание, богатство, даже преизобилие не исключает ясности, своеобразие не переходит в причудливость, тонкость отделки закономерна, роскошь орнаментации не отягощает изящества основных линий. Его лучшие творения изобилуют сочетаниями, составляющими, можно сказать, эпоху во владении музыкальным стилем. Дерзновенные, сверкающие, блистательные, пленительные, они таят в себе глубину и мастерство под покровом такой исключительной грации и прелести, что лишь с трудом можно отвлечься от их манящего очарования, чтобы холодно судить о них с точки зрения их теоретической ценности».

Благодаря этой книге Листа я еще в ранней юности понял и всем существом принял, что значат для человека родина и мать.

Через фортепьяно в мою жизнь навсегда вошел Шопен. И в студенческом общежитии, и в воспитании дочери, и в моих работах меня всегда сопровождал Шопен. Насколько мог, я учился у него дерзновению и питал свой дух его до-минорным этюдом (ор. 10). В минуты бездонного горя я обращался к его си-бемоль минорной сонате, о которой Лист писал: «И в самом деле: все необычайные, потрясающие чувства, какие могли быть у кортежа всей нации в трауре, оплакивающей свою собственную гибель, как бы слышатся в сопровождающем его похоронном звоне. Все чувства мистической надежды, благоговейный зов к сверхчеловеческой благодати, к бесконечному милосердию, к справедливости, у которой на счету каждая могила, каждая колыбель; вся экзальтированная покорность, осиянная ореолом стольких скорбей и бедствий, вынесенных с героизмом христианских мучеников, — все это звучит в этом песнопении, исполненном мольбы и безутешности. Все, что есть самого чистого, самого святого, самого безропотного, сколько есть веры и надежды в сердцах жен и детей, заключено здесь, содрогается, бьется с невыразимым трепетом».

Игорь Федорович Бэлза своей интерпретацией Шопена (одноименная книга 1968 года издания) тоже весьма поспособствовал моему самовоспитанию в ранней юности. Повествуя о творчестве Шопена, Бэлза связывал с отдельными главами этой героической истории стихи польских и русских поэтов. Среди них навсегда запомнились следующие строки:

«Что такое прекрасное? Это образ любви».

(Циприан Камиль Норвид)

«Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь».

(Валерий Брюсов)

«Досягни, куда глаз не глянет!
Чего разум неймет, исполни!
Орлим взлетом молодость прянет,
Обнимая перуны молний!».

(Адам Мицкевич / Павел Антокольский)

Пусть я не стал пианистом. Но только благодаря собственным усилиям играть больших мастеров по-настоящему учишься ценить высокое искусство. Полагаю, что прикосновение к прекрасному способно наложить отпечаток на целую жизнь.

Книга для со-чувствия

В серии «Открытый диалог» издательства «Компас-Гид» выходят книги, поднимающие вопросы, на которые мы привычно отвечаем ребенку: «Ты этого еще не поймешь...» Вот что говорят о последней новинке серии сами издатели:

«Издательская копилка «Компас-Гида» пополнилась новой книгой — «Украденными именами» испанского писателя и иллюстратора Тассисеса, обладателя Большой премии Биеннале иллюстраторов в Братиславе и учрежденной фондом SM национальной премии за иллюстрацию.

Можно бы радоваться. Но самодовольно хлопать себя по коленям: «Ай да Компас-Гид!» — не получается.

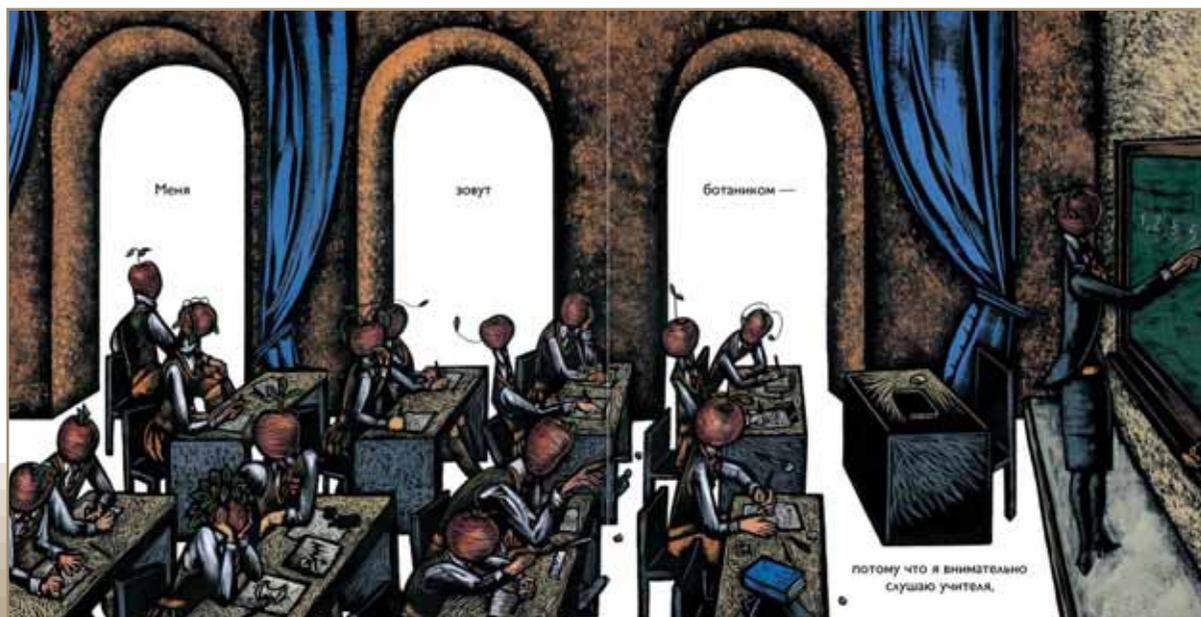
Потому что эта книга — о насилии, точнее, о насилии в школе.

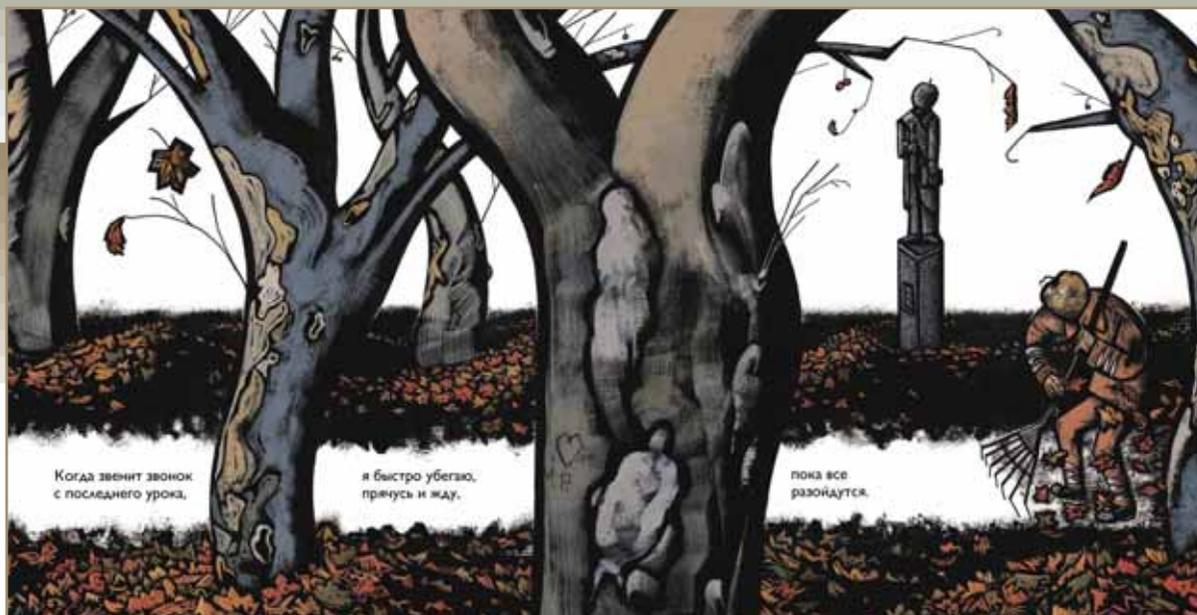
Социальная группа, которая называется «школьники», разделена на два лагеря. Первая — это «белые вороны», «зубрилы», «ботаники», то есть все те, у кого нет имени. Потому что у них оно украдено в школе. Второй лагерь — хищная стайка «фашистиков», которые, собственно, и крадут эти имена. Крадут имена, как правило, классе в пятом, а к выпускному уже снимают на мобильник в классах или в школьных туалетах сцены глумления над сверстниками из первого лагеря, которые затем выкладывают в социальных сетях... Но есть еще группа, не относящаяся ни к первым, ни ко вто-

рым. Они все видят, но предпочитают не замечать, не думать и уж тем более не вмешиваться.

До книги «Украденные имена», издавая книги для детей и подростков, мы воспринимали нашего читателя — ребенка, подростка, родителя, библиотекаря, учителя, классного руководителя и т. д., — как одно целое, которое любит хорошие книги, не боится «сложных» тем и готово к диалогу. С книгой Тассисеса все изменилось.

Мы задумались, для кого мы делаем одну из самых сложных компасгидовских серий «Открытый диалог»?! Можно ли делить наших читателей на эти три группы?! И захочет ли кто-

Когда звенит звонок
с последнего урока,

я быстро убегаю,
прячусь и жду,

пока все
разойдётся.

Говорят, что это моя проблема, потому что я живу в своём
собственном мире, потому что вижу мир наоборот.

нибудь из нас вернуть украденные
имена?!»

Не замечать, не думать и не вме-
шиваться можно до тех пор, пока про-
исходящее не касается лично тебя.
Книжка-картинка заставляет читателя
взглянуть на травлю глазами жертвы,
иначе говоря, учит со-чувствию, со-
страданию.

«Моя школа — моя тюрьма. Каж-
дый год — новый срок наказания», —
рассказывает безымянный герой. —
Говорят, что это моя проблема, потому
что я живу в своём собственном мире,
потому что вижу мир наоборот». Он не
такой, как все: не даёт сдачи, внима-
тельно слушает на уроках, — а потому
над ним привычно издеваются одно-
классники. Вот он поднялся на послед-
ний этаж, перегнулся через перила...
Но его ещё можно спасти, если найдет-
ся кто-нибудь, кто обратил бы внима-
ние на то, что с ним происходит.

На последнем
этаже я перегнулся
через перила.
И у меня не
закружилась
голова.

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–6 за 2011 год*

**Гале Кулаковской 12 лет 6 месяцев,
Саше Раскиной 7 лет 4 с половиной месяца.**

Из Изинога письма [1]

...Фридоочка, ты просишь меня припомнить какие-нибудь фронтовые эпизоды, материал для твоей будущей повести. Поначалу я тебе расскажу про Илью Мнухина и про то, как отец летал на фронт.

Пусть и Галка и Сашка почитают. Галка — та ведь даже могла запомнить Мнухина. Сашка была еще мала, а ты где-то в командировке.

Так вот, летом 1944 года, во время наступления 3-го Белорусского фронта на Минск, я познакомился с командиром транспортной эскадрильи, капитаном Ильей Мнухиным. Эскадрилья помогала нам перебазироваться на очередной аэродром по пути на запад, вслед за стремительно наступавшей пехотой. На этого Мнухина нельзя было не обратить внимания. Он был громаден весь. Всё было пропорционально его росту — голова, нос, губы, руки с пальцами, каждый из которых был соответственно велик. Ноги бог весть какого размера, но наверняка больше максимального интендантского 45–46-го. Он ничего не мог использовать из обмундирования, полученного непосредственно на вещевом складе — все для него перешивалось, шилось, увеличивалось. И голос соответствующий — бас.

Он еще до войны был в гражданском воздушном флоте пилотом I класса. Летал замечательно, в любую погоду, что по тем временам было очень непросто. (Это теперь автоматы и приборы слепого самолетовождения и слепой посадки.) Внешне его можно представить себе так: здорово похож на известного артиста Иону Бий-Бродского, игравшего смешного Шлёму в кинофильме «Искатели счастья». (Помнишь, он говорит старой еврейке: «Тетя Двойра, мне нравится ваша Роза»?)

Между прочим, это сходство многие подмечали и на всем фронте называли Илью ласково «Шлёмой». А он был не дурак выпить; мне льстило знакомство с ним, и я его пригласил к себе на новом аэродроме в гости. Мы встречались с ним еще несколько раз, при каждом перебазировании на запад, когда он привозил к нам для инспекции генерала Хрюкина, командующего воздушной армией (он уже сейчас умер), который любил с ним летать.

Весной 1945 года мы стояли на аэродроме около одного из немецких городов. Рядом был штаб воздушной армии, и Ильюшкина эскадрилья базировалась с нами на одном аэродроме. Мы стали видеться еще чаще.

Однажды ко мне заходит Илья и говорят: «Готовь приветы, я лечу на пару дней в Москву». Я написал письма маме с папой и тебе.

Мнухин улетел в Москву в середине марта месяца, когда мы вели тяжелые бои за взятие Кенигсберга, нынешнего Калинингра-

да. У немцев было много истребительной авиации и очень много зенитной артиллерии, стянутой со всей Восточной Пруссии, и мы несли тяжелые потери.

В один из мартовских дней, когда позади были уже два боевых вылета, меня снова вызвали в штабную землянку. Я решил, что будут давать задание на третий полет. Третий вылет за один день для фронтового бомбардировщика — это много, и я не особенно-то был доволен такой перспективой. Дело шло к вечеру, день был ясный, и я не сомневался, что к тому времени, когда мы выйдем на цель, солнце будет на западе и будет бить в глаза, слепить, и цель найти в таких условиях очень трудно, трудно прицеливаться. Возможно, что придется зайти с тыла, с запада, а, значит, дольше быть под обстрелом.

Но я ошибся. В землянке командир полка Палий объяснил мне, чтоб я шел домой, меня там ждут и что летать сегодня мне больше, вероятно, не придется.

Я шел и думал: кто меня ждет? Вообще-то могли ждать и приятели из соседнего истребительного полка, и знакомые из базировавшегося в городке эвакогоспиталя. Но я чувствовал, что ждет меня кто-то другой, какой-то необычный гость.

Я быстро вбежал на свой второй этаж, вошел в комнату... На диване сидел, откинувшись на спинку, руки немного назад, папка.

Его я не ожидал, не мог ожидать ни при каких условиях, это было исключено, это было невероятно.

Мы обнялись. Руки у отца дрожали, он был очень взволнован. Смотрел на меня с гордостью. Очевидно, ему понравился мой боевой вид — шлемофон у пояса, комбинезон, огромный немецкий парабеллум, висевший в кобуре (крымские трофеи) и, главное, загар. Ранней весной, когда много солнца, лица у летчиков преждевременно загорают, кожа обветрена... Это придает лицам особенно мужественное выражение.

Конечно, отца привез Илья Мнухин. Только у него одного могло хватить дерзости (и нахальства) без всякого на то разрешения свыше (которого никто ему и не дал бы) взять на борт военного самолета, принадлежавшего лично командующему воздушной армией, шестидесятилетнего московского доцента кафедры педагогики, глубоко штатского, и доставить его непосредственно на полевой аэродром гвардейского Таганрогского многих орденов Красного знамени, Суворова, Кутузова и т. д. бомбардировочного полка.

Папа рассказал мне, как было дело.

Открылась дверь, и вошел совершенно необъятных размеров летчик. «Привез вам привет от сына». Счастливая мама подбежала поближе. Ростом она была ему примерно до пояса. Вообще образ Ильи Мнухина остался легендой в нашей семье. Мама знала, как надо принимать моих друзей с фронта. Для этой цели всегда у нее был Н.З. (неприкосновенный запас), в основе которого лежали водка и сухая колбаса. Илья пришел еще с одним летчиком.

Мама усадила их за стол и поставила Н.З. Этого оказалось недостаточно, и Илья кое-что добавил из своего кармана. Мама со страхом смотрела на горсточку котлет и колбасы, совершенно несообразную с Ильюшиным ртом. (К слову сказать, Илья ел мало.) Мама предложила им переночевать у нас, и они охотно согласились. Очевидно, после фронта было приятнее переспать в домашней обстановке, чем в гостинице московского коменданта.

Поздно вечером вновь собрались за столом: Илья с Томилиным, мама, папа. (Да еще Галка с Сашей.) Мама рассказывает, что Сашка охотно пошла на руки к Илье и ее попка полностью уместилась в его огромной руке. Он выгибал руку вперед, и Сашка была довольна. Разговор шел обо мне, о фронте.

Много хлопот вызвало устройство постели для Ильи. К кушетке придвинули два наших древних кресла (в которых, помнишь, когда мы были маленькие, были внезапно обнаружены

16 000 николаевских бумажных денег?). Но и этих кресел оказалось мало. Пришлось добавить стул. Назавтра оба наших гостя пришли днем. Мама снова усадила их за стол пить чай. Илья сказал, что завтра уже увидит меня и расскажет мне, какие у меня гостеприимные родители.

— Как же я вам завидую, что вы увидите сына, — сказала мама.

— Ну, если уж вы так хотите видеть сына, — то летим завтра со мной!

Командующий остался на несколько дней в Москве, и они шли обратно порожие. Разговор был вполне серьезный. Мама сразу же позвонила на работу к папе и сообщила, что вылетает ко мне. Отец тогда же решил, что тут нужен мужчина, и решил полететь сам.

Папа взял на несколько дней отпуск, который ему немедленно предоставили по такому из ряда вон выходящему случаю, через час уже приехал домой, и они все трое к вечеру выехали на аэродром.

Как удалось Илье протащить отца через аэродромных часовых, я точно не знаю. Но Илья настолько хорошо ориентировался на аэродромах и его, в свою очередь, так все хорошо знали, что, вероятно, это было не столь уж сложно.

Долетел отец вполне благополучно, однако первое впечатление на аэродроме было у него самое тяжелое.

спирт водой (так велела наша полковая врачиха, Марья Ивановна), то делал это весьма умеренно.

Все с интересом ожидали, как отец отреагирует, в смысле выпивки, на первый тост «За победу над фашизмом». Он отреагировал так: отпил немного, сделал удивленное лицо (крепко же!), отпил еще раз, еще раз удивился, поставил бокал на стол, отломил кусок белого хлеба, обмакнул в спирт и принялся жевать.

Восхищение присутствующих было неподдельным.

Вовка Синица сказал мне, что хотя ему и ясно, в кого я пошел насчет умения выпить, но что мне еще очень далеко до отца. Отец умел пить и не пьянел. Этим умением отличались у нас немногие, и это ценилось.

Короче говоря, отец понравился.

Назавтра, часа в три утра, мы отправились на аэродром, оставив отца спать. Утром он ушел осматривать город. Он шел по улицам, между развалин, в хорошей шубе, в каракулевой шапке «пирожком». Шуба была старинная, мех — лира, цветастый, черный с белым, на отворотах виден. Примерно через час его привели в комендатуру для проверки данных (как так: «этот фриц» утверждает, что он советский, в гостях у сына). Отец, на счастье, запомнил фамилию командира полка, и к нам в штаб позвонили. За отцом пришел парторг полка и увел его с собой. Через парторга отец познакомился с техническим составом, с нашими метеорологами. С ними он стал ходить в столовую и на аэродром. Он

**И. А. Вигдоров (справа)
с однополчанами.
Восточная Пруссия,
весна 1945 года.**

После первого вылета часть самолетов вернулась обратно с бомбами, так как цель случайно затянуло неожиданно подвернувшимся с моря туманом. В те дни мы частенько подвешивали трофейные немецкие бомбы и отвозили их к «хозяевам». И вот что случилось: при посадке одного из самолетов оборвалась 500-килограммовая немецкая бомба и взорвалась прямо на нашей ВПП (взлетно-посадочная полоса).

Этот взрыв и было то первое, что увидел на аэродроме отец. Илья поспешил увести отца ко мне и настрого запретил выходить из комнаты.

К вечеру пришел от командира полка посыльный и передал мне, что отца приглашают на ужин в летнюю столовую. Когда мы вошли, летчики шумно нас приветствовали. Всем здорово понравилось, что старый отец прилетел на фронт. Это было впервые, что кому-то из отцов такое дело удалось. Отец не дичился военных, всегда их любил и быстро овладел вниманием всего стола. Его спрашивали о Москве, о жизни в тылу, об институте. Нас все это здорово интересовало, так как война, полеты, смерть — это мы все видели каждый день здесь, а вот тыл, Москва, какой-то институт — это другое дело.

Вместо водки, как это часто бывало, нам выдали положенный фронтовой паек спиртом. Кроме того, в последние дни мы летали часто по два-три раза в день. А тыловики как-то сопоставляли положенные сто грамм с количеством самолетовывлетов, так что нашим старшинам без труда удавалось в такие жаркие дни добывать спиртоводочное довольствие в удвоенном, а то и в утроенном количестве. Короче говоря, за ужином спирту хватало, и налит он был в большие трофейные бокалы. При этом, если кто и разводил

научился считать, сколько самолетов вышло на задание и сколько самолетов возвращается обратно. Так как летало несколько эскадрилий из двух соседних полков, то иногда он хватался за сердце, видя, что идет пятерка вместо ожидаемой девятки, а иногда удивлялся, что идут девять самолетов, хотя вылетело только семь. Но вообще-то самолетов уходило, как правило, больше, нежели возвращалось... И бывало так, что не возвращался кое-кто из тех, с кем отец уже познакомился. Отец за три дня осунулся, побледнел, у него стали часто дрожать руки. Он очень переживал потери, и, возможно, ему чудилось, что в самолетах, которых он недосчитывался, мог быть и я. Он уже начал вскакивать вместе с нами под утро и глядеть на облачность (этому его научил метеоролог Костюченко), с надеждой говорил: «Облачность 200 метров, возможны обложные осадки, летать сегодня нельзя» и т. д. В общем, было ясно, что отца нужно срочно отправить домой. Илья Мнухин куда-то, как назло, улетел. Пришлось договариваться со случайно

оказавшейся у нас известной транспортной летчицей Козловой, чтобы взяла с собой папу.

Папа долетел благополучно до одного из подмосковных аэродромов, где его передали прямо в руки коменданта.

Комендант удивился ловкости старика, умудрившегося слезть к сыну на фронт, и на своей машине отправил его домой.

Отец весьма гордился всей этой историей, на людях важничал, сделал на кафедре доклад о своем «пребывании на фронте». Однако ночью, лежа в постели, он маме с дрожью в голосе рассказывал все, что видел, и они вместе переживали судьбу мою и моих товарищей.

*

Я прочитала это письмо девочкам вслух. Галя уверяет, что помнит Мнухина.

25 сентября 49.

Саша прочитала в «Мурзилке» такие стихи:

Поступил я осенью
В школу в первый А,
Я считаюсь школьником
С первого числа.

И так далее — про мальчика-первоклассника. Кончалось стихотворение так:

И меня учитель
Молодцом назвал,
Первую пятерку
Ставит мне в журнал.

Саша придумала, как переделать стихи, чтоб все было про девочку:

Я поступила осенью
В школу в первый А,
Я считаюсь школьницей
С первого числа.

.....
И меня учитель
Умницей назвал,

и т. д.

«Мурзилка» пришла в тот час, когда у нас была Сашина учительница, Александра Ильинична. Она сказала Саше, чтоб мы завтра принесли переделанные стихи в класс, — и девочки их разучат.

На другой день Саша с упоением докладывала:

— Александра Ильинична прочитала стихи и сказала: «Это Саша Раскина их переделала». И все глаза *устремилась* на меня с уважением. И на перемене девочки позвали меня: «Саша, пойдем играть!» А прежде они меня не звали. Видишь, сделаешь для всех что-нибудь хорошее, и все сразу начинают уважать.

27 сентября 49.

Какой несчастный у нас сентябрь. Саша второй раз болеет: воспаление среднего уха.

6 октября 49.

Саша пошла в школу.

*

Галя:

— Мама, тебе нет никакого смысла кого-нибудь рожать: ведь Шура не позволит мне его нянчить, а тогда — как же ты справишься? Тебе ведь будет очень трудно.

8 октября 49.

Сегодня Шура 35 лет.

Саша снова захворала: горло, температура 37,7.

9 октября 49.

Шура долго притворялся, будто ему совсем все равно, как Саша станет учиться. Он даже делал вид, что терпеть не может отличников. Но теперь каждая клякса в Сашиной тетради волнует его больше, чем Сашу. Он справляется, сделала ли она уроки, написала ли, как задано, «папа, лапа и паук», знает ли, сколько будет 3+4. А на днях был на родительском собрании. И уже крупно поговорил с директором на тему о том, что в коридорах холодно.

И. А. Вигдоров с отцом Абрамом Григорьевичем, невестой Машей и племянницей Сашей.
Лето 1947 года.

10 октября 49.

Галя, рассматривая альбом по древней истории, который я привезла ей из Ленинграда:

— Братья Гракхи — вот это были люди!

*

Галя рассказывает, что весь ее класс *болеет* за карфагениян против римлян. Карфагениян любят, им сочувствуют, а римлян ненавидят.

*

Саша:

— Мама, посмотри, как тут написано в книге «За власть Советов»: «Из них такие же саперы, как из г. пули». Что такое «г»?

— Это ругательное слово.

Саша молчит, а потом говорит задумчиво:

— Знаешь, мама, я *предполагаю*, что это коровьи лепёшки.

14 октября 49.

Галя, вернувшись из школы:

— Кто пришел? Это я пришла: звеньевая первого звена! Меня только что выбрали!

Видно было, что польщена.

28 октября 49.

Сашенька снова больна. Жалко ее до слез. В школу, о которой столько мечталось, она ходила не больше десяти дней за два месяца. Праздники пропустит.

31 октября 49.

У Саши была высокая температура, и она никак не могла уснуть.

— Приляг ко мне! — сказала она. — Я от материнского тепла непременно усну.

Я прилегла, и она действительно уснула. И потом много раз повторяла: «Материнское тепло — это первое лекарство».

1 ноября 49.

Саша, с отчаянием:

— Табеля я не получу... В октябрюта меня не примут... На утреннике я не буду... Господи!..

4 ноября 49.

Саша:

— Как собака чует шаги своего хозяина, так и я по звонку чую папу.

5 ноября 49.

Саша:

— Папа, ты жил при царе?

— Да, три года.

Саша, с глубоким сочувствием:

— Плохо тебе было?..

*

Письмо Александры Ильиничны:

Дорогая Саша!

Все девочки шлют тебе привет и желают хорошего веселого праздника. Посылаем тебе звездочку.

Мы уже октябрята.

Саша, учись писать заглавные буквы А, С. Примеры решай №№ 191, 192.

Крепко тебя целую.

Света шлет тебе особенный привет. Она стала лучше учиться.

Любящая тебя — твоя учительница.

Привет папе и маме.

7 ноября 1949.

Саша:

— Мне очень хочется, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все были свободны.

*

Лена Кузнецова здороваётся со мной по несколько раз на день: сколько раз увидит, столько раз и здороваётся.

— Зачем ты так часто здороваешься с тетей Фридой? — спрашивает ее мать.

— А она, знаешь, как отвечает? — мечтательно говорит Лена. — Она отвечает: «Здравствуй, солнышко!» Потому я и здороваюсь.

*

Саша читает «Принца и нищего». Читает и комментирует:

— Гуго — черт. А леди Эдифь хорошая или плохая? Не могу понять, но подозреваю, что не очень хорошая: она не хотела уйти от Гуго. Если б она была такая уж хорошая, зачем ей нужен был такой плохой муж? А принц — хороший или плохой? Не пойму. Как будто бы и хороший. Но какой же он хороший, если он говорит человеку, который его спас: «Как ты смеешь сидеть в моем присутствии?»

*

На Сашин вопрос: «Видел ли ты когда-нибудь мать-героиню?» Шура, не задумываясь, ответил: «Я видел отца-героя».

Кого он имел в виду — понять нетрудно.

11 ноября 49.

Саша:

— Важен не чин, важен характер. Понимаешь? Главное не какой у человека чин, а какой у него характер.

*

Саша:

— Мама, я понимаю тебя по одному жесту́.

— Жёсту!

— Жёсту? Хорошо. Так вот, я понимаю тебя даже, когда ты ничего не говоришь. Вот, например, я тебя чего-нибудь спрашиваю, а ты поднимаешь брови, — значит, ты удивляешься или не понимаешь. Вот ты нахмурила брови — значит, сердисься. Если закусила губу — значит, опять сердисься. Я знаю по твоим глазам, когда ты удивляешься, а когда огорчаешься.

12 ноября 49.

Сашка только и делает, что обобщает:

— Хороший человек, если напьется пьяный, становится веселый, поет песни или засыпает. А плохой человек, если напьется, — начинает драться или ругается злыми словами.

В школу еще не ходит. Тощая, бледная, зеленая. Жалкая такая.

16 ноября 49.

Впервые после месячного отсутствия пошла в школу. Утверждает, что Света Копейкина была так рада, так рада, что даже не

могла сосчитать, сколько будет 10+10. А на переменке от радости Света Копейкина прыгала и плясала.

*

Галя:

— Мама, у меня к тебе страсть.

— Что это значит?

— Это значит, что я тебя очень люблю.

*

Саша читает «Хижину дяди Тома».

— Плачешь? — спрашивает Шура. (Издвательноски.)

— В душе, — говорит Саша. — Внутренне, — добавляет она подумав.

20 ноября 49.

Саша:

— Мама, все великие писатели умерли — что это значит?

*

Саша опять больна.

Теперь «Хижину» читает Галя. Потеряла сон и аппетит. Дойдя до страниц, описывающих смерть Тома, бросила книгу и почти со слезами заявила:

— Не буду читать дальше!

— Я тоже так решила, но интерес победил, — сказала Саша.

— Что это значит «интерес победил»?

— А в книгах всегда так пишут: «Совесть победила», «Скупость победила».

1 декабря 49.

Саша:

— Сколько есть на свете прощальных слов: до свидания, прощайте, всего хорошего, будьте здоровы, счастливо оставаться...

2 декабря 49.

Саша:

— Что такое брак?

Галя:

— Вот Изя с Машей поженились, значит, они заключили между собой брак.

Саша, с изумлением:

— Ну что ты... Тут написано: «При обнаружении брака просим сообщить...»

9 декабря 49.

Саша:

— Мама, когда ты была маленькая, для тебя ученье было когда-нибудь мученьем?

— Нет, никогда. Я любила учиться.

Саша:

— И я люблю. А Галя иногда садится делать уроки и говорит: «Одно мученье».

*

Саша:

— Папа, смотри, что тут написано: «Мальчик ругался матерными словами». Какие же это слова — матерные?

Шура поперхнулся, несколько даже подавился, но вышел из трудного положения с честью:

— Это плохие слова, слова, которые нельзя произносить при матери.

Но Саша возразила:

— Тогда все ругательные слова — матерные. Потому что какие же плохие слова можно произносить при своей матери?

Через полчаса Шура сказал по какому-то поводу:

— Какое хамство!

И Саша спросила:

— Зачем же ты ругаешься матерными словами?

10 декабря 49.

Проблема Светы Копейкиной стоит перед нашей семьей во всей своей остроте. Она сидит с Сашей на одной парте и не дает ей покою: то хватается за ногу, то дует в ухо (!), то макает палец в чернила и проводит этим самым пальцем по Сашиним волосам. Придя в отчаяние, Саша спросила: «Ты разве со мной не дружишь?»

Ф. А. Вигдорова.
Карандашный портрет работы **Е. В. Пастернак.**
40-е годы.

на что находчивая Света ответила: «Я с тобой дружу, но сейчас с тобой не вожусь».

Саша долго совещалась с Шурой, как быть. Шура давал ей какие-то советы. На другой день Саша, примчавшись из школы, завопила еще с порога:

— Мама, какой интересный разговор был со Светой Копейкиной. Послушай: я ей говорю: «Света, ты мне товарищ?» А она говорит: «Я тебе не только товарищ, но и друг, не знаю только, как ты мне». «Я тебе тоже друг, — сказала я. — И я тебя прошу: не мешай мне на уроках. Я ведь много пропустила. Вы знаете уже весь алфавит, а я только половину. Если ты будешь дуть мне в ухо, я отстану от вас и останусь на второй год, а мне это будет очень неприятно». И Света мне совершенно перестала мешать. Мне даже сделалось как-то скучно...

12 декабря 49.

Непонятные слова Саша всеми способами старается сделать для себя осмысленными. «Георгиевский крест» она называет «Героевским». Услышав про политэкономия, сказала: «Ипполит-экономика».

23 декабря 49.

Саша:

— Если бы у меня была волшебная палочка, я прежде всего сделала бы так, чтоб ожил Владимир Ильич. Потом, чтоб был жив Галин папа. Потом, чтоб ожили все великие, хорошие люди прошлых веков. А потом я взмахнула бы палочкой в последний раз, чтоб стал коммунизм...

Она же:

— Мама, почему такие маленькие незаметные буквы, как «а», «и», называются таким большим словом СОЮЗ?

26 января 50.

Сегодняшний день должен быть отмечен особо — вернувшись вечером домой, я нашла на столе такую записку: «Прочла

Шекспира “Ромео и Джульетта”. “Король Лир” больше понравился, плакала. Нет ли еще чего-нибудь вроде этого? Галя».

30 января 50.

Саша:

— Мама, знаешь, я боюсь, что я такая же чesлавная, как Андрей Морозов [Тисславный, себьялюбивый мальчик из книги Ф. А. «Мой класс». — А. Р.] из твоей книжки. Мне это очень неприятно.

— А почему ты так думаешь?

Саша:

— Я не огорчаюсь, когда у других двойки. Я, конечно, не радуюсь этому, но и не огорчаюсь.

*

Александра Ильинична болеет, и ее замещает молодая учительница Татьяна Михайловна. Саша любит ее:

— Знаешь, какая она хорошая? Умная, справедливая, добрая.

— И красивая? — спрашиваю я.

Саша отвечает, подумав:

— Возле тебя, конечно, нет. Но вообще — красивая.

Я была ошеломлена таким ответом.

*

Саша:

— У нас сегодня в классе все девочки кричали: моя мама лучше всех! И так и не решили, чья мама лучше.

— А про папу не кричали?

— Нет, про папу ведь ничего не говорится в «Родной речи».

А про маму есть очень хороший рассказ, вот послушай: на улице в толпе заблудилась маленькая девочка. Бегаёт, кричит, ищет свою мать. Народ спрашивает у нее: «Какая же твоя мама?» А девочка сквозь слезы говорит: «Разве вы не знаете? Моя мама та, что лучше всех».

*

Света Копейкина оказалась подлюгой. На уроке она подняла руку и сказала учительнице:

— Татьяна Михайловна! А Саша Раскина ест конфету!

Учительница велела Саше в наказание встать и стоять до конца урока. Саша стояла, а Света Копейкина смеялась и злорадствовала.

Саша рассказывала об этом очень удрученно. И с удивлением.

*

Когда тетя Аня хворает (это случается редко), мы готовим на обед сосиски. И Галя, и Саша очень их любят. Любят тем больше, чем реже их едят. И вот Галя говорит:

— При коммунизме можно будет есть сколько угодно сосисок.

Саша не согласилась:

— Разве коммунизм в этом заключается? Это уже не коммунизм, а едунизм!

*

Саша читает «Дети горчичного рая» [2]. Плачет-заливается.

— Эта книжка лучше «Хижин дяди Тома», — говорит она. — Хотя та книжка тоже про негров.

10 февраля 50.

Восьмилетняя племянница Ильи Львовича спрашивает:

— Мама, кто такой Карл Маркс?

Мать объясняет — подробно, толково.

Девочка:

— Подумать только, такой великий человек, а никто о нем ничего не знает.

16 февраля 50.

Саша про дедушку лорда Фаунтлера:

— Граф Доринкур был хороший человек. Но он был граф, и это его испортило.

(Продолжение следует)

[1] Изя — Исаак Абрамович Вигдоров, брат Ф. А.

[2] Повесть советской писательницы А. Кальмы о негритянских детях Америки сороковых годов двадцатого века.

Три дня надежды

Людмила Самойлова

Шел 1991 год. Жизнь обнажила нищее исподнее. Москву заполнили бомжи. Они ночевали в подъездах, расстилая на лестничных площадках картон и газеты. Люди, у которых экономическая разруха опустошила кошельки, им сострадали. По вечерам аккуратно переступали через вытянувшиеся тела, а тела деликатно перемещали себя, давая возможность переступить. Бедное тихое достоинство, равно как и вопль отчаяния, оставались без помощи. Возле Елоховского собора туча нищих. Не подаю ничего, потому что в кошельке болтается несколько монет. Поблизости на бульварчике сидит в застиранном темном старуха. Натруженные руки крепко прижаты ладонями к коленям. Я понимаю, что она никогда не просила и не в силах этого сделать. Решаюсь. Пропади пропадом копеечная экономия. Расстегиваю кошелек и предлагаю поделиться тем немногим, чем располагаю. И пока мы молчим, глядя глаза в глаза, ее рука с согнутыми пальцами медленно переворачивается. Благодарность, неадекватная скудному подношению, заставляет меня пуститься в бегство. Слезы зажимаю в горле. Чужое горе не выплачешь.

Все знают и не любят московские морозные бес-снежные зимние дни, когда идешь по пыльному тротуару и боишься поскользнуться на заледеневшем плевке. На таком тротуаре распласталось пьяное художочное тело. Если не оттащить в подъезд, замерзнет. Бегу за подмогой. Во дворе кирпичного дома возле пытящих машин суетятся мордатые дяденьки в дубленках. На призыв городской сумасшедшей никто не отзывается. Пока кручусь возле тела, из подъезда выскакивает бож. Вдвоем тащим пьяного в подъезд. Куртка и рубашка задираются к подбородку, штаны сползают к коленям. Мельком замечаю запавший живот, обтянутые кожей ребра. Запыхавшись, втащили. Натянули штаны и куртку. Вроде все. Говорю: «Спасибо тебе, мы его спасли». И вдруг уши пронзает вопль: «А меня, меня кто спасет?!» Жалкие пустые слова «Ты все-таки на чердаке, в тепле» его не утешают. Скольких тогда потопило взбаламученное житейское море — кто скажет. И что по сей день застряло вопросом. Когда море улеглось, бомжи исчезли. Они исчезли так же в одночасье, как исчезли калеки после войны. Куда отравили их государственная рука? Судя по тому, что тщетные призывы повернуться лицом к человеку и сегодня на повестке дня, трудно поверить, что между землей и раем стал курсировать лифт. Остается вопрошать классически: «Русь, дай ответ». А она классически молчит и не дает ответа.

На работу бегу мимо окон «Московских новостей». Тогда на Пушкинской площади возле них оставались толпы народа. Я, как и все, глотнула порцию политической злобы дня и тронулась дальше. На углу Большой Дмитровки молодой парень сцепился с дамой в перстнях. Он кричит: «Вы сволочь! Вам не гордиться отцом-генералом КГБ, а стыдиться надо! Из-за таких, как он, расстреляли моего деда! Ваши кольца оплачены невинной кровью!» Она тычет ему в лицо сверкающую ювелирку и орет: «А я себе еще куплю! На, смотри, смотри! Живешь нищим и сдохнешь нищим! А я горжусь и буду гордиться, что генеральская дочь! Скоро вас плетью загонят в ваши халупы!» Я тоже из хрущевской халупы, а потому хочется вцепиться в патлы этой дамы. Но сдерживаю желание, степенно беру под руку парня, стараюсь не дрожать голосом: «Вы посмотрите на нее. С кем вы связались? Бросьте.

Пойдемте лучше, поговорим». Мы выкуриваем молча по сигарете и расходимся.

Тогда, в 91-м, душа исполнилась напряженным, острым, как будто сердце вытянулось в стрелу, ожиданием перемен. Напряжение отчасти снимали митинги и демонстрации. Но именно отчасти. И это потому, что множество желающих демократических перемен, уверенных в том, что экономическая и личная свободы изменят жизнь в стране, делают ее привлекательной для большинства, наталкивалась на яростное сопротивление множества исповедующих коммунистическую идеологию. Те и другие были искренни и верили своим политическим лидерам. Когда сегодня я читаю или слышу про менталитет ленивого народа, не способного к оппозиции, мне смешно. Короткая же память у наших политиков и журналистов. Тогда и «красные» у музея Ленина, и демократы на Манежной собирали десятки, а то и сотни тысяч людей. И если ныне народ безмолвствует, то не пора ли перечислить «Бориса Годунова»?

В 91-м ощущалось все явственнее, что народная игра в перетягивание каната, добром не кончится. 19 августа нас разбудил рано утром звонок из Каунаса. Приятель мужа, литовец, сообщил: в Москве танки. Включайте телевизор и наслаждайтесь «Лебединым озером». Мы включили. И правда, кордебалет, трепеща руками и пачками, заполнил экран. Дождались новостей и увидели лица новых управителей страны. Они себя называли ГКЧП — государственный комитет по чрезвычайному положению. Что делать? Первое и самое насущное — узнать, что с Ельциным. Насущное потому, что для сотен тысяч его имя означало конец советского режима, крах империи зла и начало новой России. Способность быть искренним привлекала к нему народ, и в том числе интеллигенцию. На его встрече с театральной общественностью один из умных донельзя актеров спросил про какую-то статью Плеханова. Зал замер. А вдруг Ельцин не читал? Будет ли он выкручиваться? Он стоял посредине сцены, опустив голову. Все видели, как его лицо багровеет. Затем натужно выпрямившись и посмотрев прямо в зал, он хрипло выдал: «Я не читал Плеханова». Честный! Восторг выбросил всех из кресел. Аплодисменты, топот ног. Балерина Максимова, ведущая эту встречу, грозно предупредила: «Ша, братва! Борис Николаевич уйдет!». Все угомонились. Многих помимо честности привлекала его команда. Молодые, образованные, смелые. Он обладал редкой способностью окружать себя людьми, которые превосходили его знаниями и талантами. Одно это выдавало в нем настоящего лидера.

На стареньком «Москвиче» мы с мужем мчимся к Белому дому. Мимо нас тянется вереница танков и бронетранспортеров. У Белого дома небольшая кучка людей. По ступеням спускается женщина, лицо которой знакомо. Хватаем за рукав: «Где Ельцин?». Она спокойна: «Он вместе с другими в Белом доме». Мы узнаем ее. Это тележурналистка Бэла Куркова. Вот почему такой яркий макияж. Наверняка из телестудии и не успела снять грим.

Неблагодарность — один из страшных грехов. Между тем кто сегодня на телевидении хотя бы раз о ней вспомнил? Тогда мало кто с такой энергией, доверием к телезрителям убеждал их в том, что демократия имеет прямое отношение к каждому, ибо демос, то есть народ, и состоит из отдельных, уважающих в себе Человека, людей. Она ковала без устали свои интервью с усердием добросовестного рабочего, для которого нет времени на сторонние соображения, типа честолюбия, успеха, карьеры. Когда время изменилось, и телеэкрану понадобились более «глянцевого» лица, Бэла Куркова исчезла.

Доезжаем до Манежной. Обманываем друг друга, будто идем на работу, и, расставшись, поодиночке воз-

вращаемся к Белому дому. На Манежной народ разворачивает троллейбусы, перегораживая танкам проезд по Моховой и мимо Александровского сада. Водители активно участвуют в этом деле. Танкисты надвигаются на троллейбусы, но не решаются смять цепь людей перед ними. Завязываются импровизированные митинги. Пафос народа: мы не звали танки. Не слушайте приказа вашего министра-коммуниста. Переходите на нашу сторону. У офицеров пафоса нет. Они вышли из танков и требуют расступиться и пропустить машины. Их положение незавидно. Ссылки на приказ толпа отвергает свистом и смехом. Солдаты впервые видят командиров беспомощными. Судя по блестящим глазам, заваруха им по сердцу. Моя цель — Белый дом. Я оставляю Манежную. Чем ближе к Белому дому, тем явственнее увеличивается количество попутчиков. Времени — часа два. Народу, по сравнению с утром, заметно прибавилось. Все, подняв головы к окнам, вопрошают: «Мы-вам-нуж-ны?! Мы-вам-нуж-ны?!» Через достаточно продолжительное время появляется тогдашний премьер России Силаев. Все аплодируют и кричат «Ура!». Он взирает на нас, как смотрят на экзотическое и, возможно, опасное животное, не огражденное клеткой, стараясь сохранить бесстрашие. Экое дело, будто каждое утро идет на работу пешком, продираясь через густое народное сито. «Мы-вам-нуж-ны?!» Он помолчал, не очень понимая, как ответить. Затем неуверенно попросил не расходиться, подтвердив нашу нужность. Народ с восторгом ответил все тем же «Ура!». Надо сказать, что у защитников Белого дома эмоции свелись к двум — чувству тревоги и чувству безмерной радости. Разве не радость: актер из ТЮЗа Денисов предложил взяться за руки, чтобы окружить здание живым кольцом. Среди нас появился человек, который знал, что делать. И хоть звенья цепи рвались, мы вновь растягивали кольцо, стараясь круг замкнуть. Вдруг кто-то закричал: «Танки!». Цепь разорвалась, и все устремились туда, откуда они якобы шли. Молодые обгоняли меня. О неистовости порыва можно было судить по тому, что какой-то парень перемахнул через парапет, уронив на него башмак. Представьте, когда выяснилось, что тревога ложная, я вернулась к этому парапету. Башмак продолжал лежать. Потом возгласы «Танки!» стали привычными. Люди исполнительно выходили им навстречу. Но, слава Богу, стены Белого дома никому не пришлось закрывать грудью.

К вечеру многие знакомые, было появившиеся, исчезли. И я осталась среди совсем чужих людей. Тоска по дому заняла в сердце. И дом пошел мне навстречу, будто к моим глазам приставили волшебный бинокль. Я увидела его в уютном теплом свете, весь целиком, с мельчайшими деталями. Муж и дочка сидели за ужином, кошка Машка посапывала в кресле, в такт сердцу подымая и опуская серебристый бочок. И когда я приготовилась сделать шаг навстречу этому, так любимому мной миру, бинокль перевернулся. Дом стал быстро удаляться в непроницаемое пространство, бесконечность делала его все меньше, пока не превратила в сверкающую точку, которая тут же померкла.

Пришлось с тяжелой душой признать, что я теперь живу здесь, под стенами Белого дома. И никто не скажет, увижу ли я своих близких. Поскольку к новой ситуации нужно было приспособиться, я стала вглядываться в тех, кто был поблизости. Рядом со мной стояли мать и дочь, обе нарядно одетые. Худенькая женщина в черном вышитом свитере и лаковой сумочкой подмышкой и цветущая девушка в роскошном до пят пуховом сиреновом платье. Оказываются, они шли в гости. Увидели в проулке торчащие стволы танков и свернули к Белому дому. Я принялась уговаривать отправить дочь в подъезд какого-нибудь дома. Невозможно было представить, что это мягкое полногубое

великолепие превратится в кровавое месиво. Женщина тихо возразила: «У нас никого нет, мы живем вдвоем. Что поделаешь: придется — вдвоем умрем».

Вокруг происходили изменения. Лужков прислал колонну автобусов. Они окружили здание в два кольца. У нас появилась крыша. Можно было посидеть. Я попала под опеку женщины, которую про себя назвала десантницей. Она все сетовала: «И как могло случиться? Сын — молодой, сильный, десантник, и с коммунистами, а я вот здесь, идем друг против друга. Он весь в меня. Не свернет. И я не сверну. У нас гражданская война». Она недоуменно разводила руками. Одна из женщин всхлинула: «Господи, и зачем мне понадобилось это масло? Ехала бы к себе в Тулу. И что я на работе в КГБ скажу? Гляди, еще из партии выбросят. А масло так и не купила». Моя десантница миглом вскипела: «Коммунистам и гэбэшникам тут не место. Вон из нашего автобуса!» Все дружно расхохотались. Кто-то принес в автобус стаканчик кофе с молоком. Я вышла и увидела молодых кооператоров с огромными термосами и бутербродами. Народ кормили бесплатно. В очереди впереди меня стоял юноша-армянин из Ростова-на-Дону. Он приехал купить маме сахар на варенье. И тоже оказался у Белого дома. «Тебе нравится? Магазины завернут колбасу толстый бумага и швырнет, как собаке, не хочу так жить. Я человек». Рядом с ребятами, разливавшими кофе, два узбека из больших мешков пригоршнями раздавали орехи. «Мы за Ельцина. Он свободу всем дал. Хорошо будем жить».

Я вернулась с бутербродами и стаканчиком горячего кофе. Старик-дагестанец, который сидел с огромным портфелем, взмолился: «Принеси мне тоже кофе и бутерброд. Утром вышел из поезда, знакомым не доехал. Целый день баррикады строю. Ноги старые, не ходят». Я принесла. Он неторопливо перекусил, затем полез в свой портфель и вынул бутылку коньяка: «Ты не знаешь. Я писал Лукьянову: зачем, Толик, воду мутить? Сиди своем саду, поливай розы. Глупый, не послушал. Теперь позор на его голова. Давай выпьем нашу победу». Он налил по глотку коньяка в стаканчики, и мы в полной уверенности, что победа на нашей стороне, выпили. Среди ночи стало известно, что дивизия генерала Лебедева перешла на сторону Ельцина. Вскоре показался бронетранспортер с российским триколором. Все высочили из автобусов. Вряд ли самый популярный актер собирал такие аплодисменты и испытывал такую любовь к себе. Ближе к утру появилась ватага мальчишек. Гавроши, как и положено, оказались на баррикадах. Светало, я обошла вокруг Белого дома. Со стороны набережной тоже стояли танки и бронетранспортеры.

Бесчисленное народное море прилиvalo к самым стенам здания. Тогда никакой ограды вокруг этого дома не было. Я решила, что защитников вполне хватает, а мне позволительно навестить своих. В прогулке стоял танк. Из ствола торчал огромный подсолнух. Его солнечность остужала рассветная синевa. На танке сидели мальчишки и вместе с солдатами уплетали тушенку. Будущее представлялось светлым и добрым.

20-го мы с семьей поехали в центр. Повсюду люди с праздничными лицами. На танках девушки с солдатами едят мороженое. Разрастается чувство победы.

В ночь на 21-е муж с дочкой оставили меня дома отоспаться. Среди ночи я проснулась в страшной тревоге. Включила приемник и услышала: «Все, все к Белому Дому! Защитников расстреливают из танков! Ведут под руки раненного Шеварднадзе». В ужасе выскакиваю из дома. Если дошло до Шеварднадзе, что там с моими! Таксист довозит почти до самого Белого Дома. Никаких выстрелов. Человеческий пейзаж изменился. Полно молодых мужчин в камуфляже. Я иду между баррикад и взываю: «Оля! Гена!» Ответа нет. Подхожу к ступеням со стороны набережной. Здесь не так много народа. Отчаянно ругается юная пара. По тональности безумно влюбленные. Нашли же место и время. Перепалка заканчивается пылкими объятиями. Я все еще тщетно взываю, проходя мимо людей, взявшихся за руки. Здоровенный, плечистый, чуть под градусом парень берет меня под руку: «Мадам, хватит суетиться, пора в цепь». Я послушно заполняю свободное место. Люди поговаривают, что в здании напротив настали «Альфа», то ли «Витязь». Пока они якобы не решили, идти ли им на штурм. Юноша рядом со мной шепчет: «Не хочется умирать в восемнадцать лет». Я бравадно и тривиально отвечаю чем-то типа: за свободу не жалко жизни и двум смертям не бывать. Потом поворачиваюсь и вижу почти детское умное, интеллигентное лицо. Скорее всего первокурсник. Возможно, МГУ или Бауманка. Здесь столько юных, бескорыстных. Господи, подари им жизнь. Спецназ не пошел.

С тех пор прошло 20 лет. Телеэкран нас уверяет, что «лихие» 90-е канули в Лету. Жизнь вошла в якобы законное русло. Но вот мне не дает покоя маленькая история. Прошлым летом наша знакомая устроилась поваром в детский лагерь. К обеду ей отпускали десять банок тушенки. Из них она присваивала девять. Прошу поверить, я говорю о трудолюбивой, неалчной женщине. Историю заставила сделать вывод: беспредел становится нормой жизни. Она и ей подобные не верят в то, что государство уважает честного работника. А если это так, мы из нормального сообщества, где (перефразиру-

ем Экзюпери) повара уважают за то, что он повар, а бизнесмена за то, что он бизнесмен, превращаемся в человеческие джунгли. Но человеческие джунгли, в отличие от природных, нежизнеспособны. Нам необходимо верить в справедливость. И отличать добро от зла.

Если признать, что благодаря трем августовским дням Россия дала свободу республикам, удерживаемым насилием, если признать, что власть впервые стала рассматривать человека мерилom всех ценностей, то почему эти дни не стали праздником, почему никто не вспоминает трех погибших молодых людей — Кричевского, Усова, Крамаря?

После августовских дней защитники Белого Дома и масса примкнувших к ним людей получили здание бывшего ЦК комсомола. Здесь писали тексты новой конституции, спорили о будущем устройстве России. Демократия из этого молодого политического варева

прорастала снизу, от земли. Это слово не было ругательным. Демократия становилась практикой жизни. Вскоре появились фермеры, которым власть давала землю бесплатно. Появились кооперативы. Их продукция была добротной, качественной. Я не политик, а потому не могу сказать, почему этим росткам не дали укрепиться, почему кооператоров и фермеров задушили налогами и рэкетом. Средний класс, я имею в виду широкий пласт общества, занятый производством, так и не возник.

Сейчас только ленивый не называет народ чернью, рабами, быдлом, неспособным к оппозиции. И все-таки. В подобные определения не то чтобы невозможно (возможно все) — верить нельзя. Ибо стоит поверить, и горизонт будущего окажется закрытым. Что может ожидать сообщество из черни, рабов и быдла? Нельзя и потому, что человек не бывает равен сам себе. Он способен к духовному переустройству. Я думаю, что в августовские дни народ победил потому, что искал не врагов, а сторонников. Мы верили в ценности, которые нас возвышали. Мы надеялись, что отныне каждый, свободно обустроивая свою жизнь, будет чувствовать себя свободным строителем государства.

Фотографии предоставлены автором материала

Злоключения русского языка в XX веке

Народ, население, труженики, элементы

Мариэтта Чудакова

1.

Разрушительная для жизни языка роль советской власти была в том, что она *инфицировала* давно существовавшие в языке «хорошие» слова — и превращала их в советизмы.

Замечательно чувствующий язык вообще и советизмы в особенности Михаил Жванецкий со вкусом продемонстрировал уже в 90-е годы, как окостенели и стали советизмами два слова — *население* и *народ*. Так и называется его замечательный рассказ — с подзаголовком «Разговор двух начальников».

Помимо тонкой и точной игры новыми, *советскими* оттенками значений двух этих слов, рассказ пересыпан и другими советизмами:

— Ох, Петраков, *народ* терпеть не будет, если ты оставишь *население*, допустим, без газет.

— Оставить *население* без газет нам не позволит *народ*.

— *Народ*, между прочим, может внезапно спросить: а как услуги *населения*?

— Повышение платных услуг населению есть общенародная задача. Честно говоря, Василь Василич, *население* мне не нравится.

— А *народ*?

— Ну, *народ*... Наш *народ* с *населением* не сравнить. Вы ведь тоже чувствуете разницу.

— Да кто же не чувствует.

— А *группки*, какие противные бывают *группки*, *формирования*...

— Есть еще отдельные элементы. Те вообще мерзкие.

— Есть еще горожане.

— Да, сельские жители и *глубинка*... Так, всё, не отвлекайтесь. Мы с вас спросим.

— Тут очень важна фондоотдача.

— Как никогда.

— Население не должно испытывать тревог по этому поводу.

— Никаких.

— А отдельные элементы?

— Эти могут.

— Ну, тут объяснения не помогают.

— Значит — изоляция. ОМОН. Резиновые палки.

— Скажите, а вы что, употребляете эти предметы против населения?

— Только против *элементов*... Небольшая авария на Уральском табличном. Обычный сбой.

— Есть ли жертвы среди населения?

— Человеческих нет.

— Ага...

— Только среди потребителей. Меньше трех процентов. В пределах нормы.

— А нормы утверждены?

— После *всенародного* обсуждения мною лично.

— Значит, обеспечение лекарствами...

— ...вопрос наибольшей важности, *общенародная* задача.

— Передайте населению горячий привет от Родины, а также от меня лично. В целях скорейшего обеспечения ускорения нарастания продуктов для быстрого их употребления был посещен ряд предприятий общественного питания...

— В чем гарантия наших успехов?

— В непрерывном *разоблачении* *происков* и врагов, и друзей...

— В письмах спрашивают, можно ли где-нибудь повидать *народ*?.. Мы много слышаны о своем *народе*... Могло ли бы наше *население* рассчитывать на небольшую встречу, нам бы это многое дало?»

2.

Поучительно и огорчительно следить за тем, как год за годом советского времени слово *народ*, любимое в XIX веке (помните спор в некрасовской «Железной дороге» — «Что же, все это *народ* сотворил?..»), сначала было вообще выкинуто из публичной речи — замещено *рабочим классом* и *беднейшим крестьянством*, а затем присвоено власти — *народ* стал *советским народом*. И — перешло в ряд *советизмов*.

«Для крупнейшего поэта *советского народа* Пастернака поэзия... не орудие нравственного, политического, идейно-эстетического воспитания *народа*, каким она была для Пушкина, а всего-навсего «круто налившийся свист», а всего-навсего «щелканье сдавленных льдинок...» — возмущенно восклицает на одном из пахнущих кровью писательских собраний 1937 года поэт Джек Алтаузен.

А вот уже февраль 1953 года, «дело врачей», не кончившееся, как было задумано вождем, виселицей на Красной площади потому только, что Всевышний прибрал Сталина 5 марта того же года. Врач Я. Л. Рапопорт вспоминает «беседу» со следователем: «Я напомнил ему его заявление, что мне не угрожает расстрел, на что он ответил: «Это — как *народ* потребует!» *Народ*, конечно, потребует казни. Эту оптимистическую перспективу, кстати, я слышал от моего следователя и его коллег, обсуждавших вслух в моем присутствии намечаемый ритуал казни...»

И, наконец, разговор Бориса Пастернака осенью 1958 года с партийно-литературным чиновником, требующим от него отречения от романа «Доктор Живаго» и отказа от Нобелевской премии. Чиновник шантажирует поэта «народом»:

«— Но гнев *народа* своими силами нам сейчас унять трудно...»

— Как вам не совестно, Дмитрий Поликарпович? — перебил Боря [Пастернак], — какой там гнев?.. «*Народ!*», «*народ!*» — как будто вы его у себя из штанов вынимаете. Вы знаете прекрасно, что вам вообще нельзя произносить это слово — «*народ*», — вспоминает Ольга *Ивинская*. (В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком).

Здесь очень интересно столкновение разных смыслов одного слова. Партийный чиновник употребляет слово «народ» как пустую оболочку, удобную только как средство манипулирования. Ни слово, ни сам «народ» для него равным счетом ничего не значат. А для Пастернака — это слово с огромным прошлым. Отношение к *народу* им «всосано с молоком», как написал он в стихотворении «На ранних поездах» с пронзительными строками «...Я молча узнавал России/Неповторимые черты...»

А вот и 1965 год — из записки КГБ в ЦК КПСС: «...Некоторые литераторы... огульно чернят завоевания нашего *народа* последних лет»; февраль 1966 — корреспондент «Известий» Ю. Феофанов в репортажах из зала суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем исходит праведным гневом по поводу того, что они в своих сочинениях допускали «фантастические гнусности по отношению к «своему *народу*»; 1968 — ставшая знаменитой после фильма «Ко мне, Мухтар!» повесть И. Меттера «Мухтар»:

«— К вашему сведению, — сказал Дуговец, — кино снимается для *народа*.

— А я кто? — спросил Глазычев.

— А вы младший лейтенант милиции Глазычев».

...В 1979 году, в Париже, давно пройдя семь лет советских лагерей за самовольное печатание на Западе собственных сочинений, Андрей Синявский писал в одной из статей:

«Ведь с некоторых пор всеобъемлющее слово «*народ*» звучит у нас как пустая бочка, будто выудили содержание (корень), компенсируя, в утешение, мнимым величием бочки — нестерпимым героическим треском вокруг «трудовых будней» (лишенных вкуса работат)»

3.

Слово «элемент» тоже проделало длинный путь — через все советское время. Чуждый, несознательный, буржуазный *элемент*...

Его так активно применяли к людям, что был случай, когда «наш» человек категорически утверждал, что

это слово вообще нельзя употреблять как неодушевленное существительное (например, элементы таблицы Менделеева). Он был уверен, что оно применяется только по отношению к людям...

«И среди коммунистов есть определенные *элементы*, которых выгнали из сельсоветов, которые дискредитированы перед массами. Они больше всего недовольны нашей политикой. Истериические крики о кулацкой опасности вызывают вновь к жизни эти *элементы*». (Выступление партфункционера Косиора на XIV съезде в 1925 году; через 15 лет он был расстрелян как враждебный советской власти элемент — разумеется, безосновательно.)

«Тоже, думает, неловко против пролетарского *элемента* выступать». (Зоценко М. Графология. 1927.)

«А то прёт без пропуска. Этак может лишний *элемент* пройти. Учреждение опять же могут взорвать на воздух». (Зоценко М. Закорючка. 1928.)

«Такие *элементы* вычищены из партии. Но не все». (Из дневника «красного профессора» А. Г. Соловьева, 1928.)

Еще один дневник: «Из Соловков перебрасывают на Свирьстрой, с одних лесозаготовок на другие; как шарики, катаются «*элементы*» по карте Севера, убегая от обследовательских глаз иностранца». (Куллэ Р. Мысли и заметки. Запись от 22 февраля 1931 года.)

«Через полчаса Корчагин добился принятия резолюции: «Исключить как чуждый *элемент* из рядов комсомола». (Островский Н. Как закалялась сталь.)

«Награждение эмигранта Бунина Нобелевской премией вызвало в буржуазном мире, как и следовало ожидать, восторженные отклики со стороны всех реакционных и белогвардейских *элементов*». (Литературная газета, 18 января 1934 года.)

«Они прилагают также все усилия к тому, чтобы вовлечь в свои шпионские сети неполноценные и неустойчивые *элементы* из граждан Советского Союза». (Уранов С. О некоторых приемах вербовочной работы иностранных разведок. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.)

«Сию, например, я, вредоносный *элемент*, в своей малонаселенной квартире и заранее знаю, что все мои безыдейные мысли и преступные планы в районном мыслескопическом пункте будут видны, как в кино. И стараюсь я не думать ничего такого». (Терц Абрам. Суд идет, 1956.)

«...В такой массовой партии, какой является КПСС, есть, и, вероятно, будут являться и впредь примазавшиеся к партии, пробравшиеся в ее ряды, случайные и чуждые *элементы*... Эта враждебная нам пропаганда оказывает свое воздействие на отдельных советских людей, на нее легко поддаются гнилые,

отсталые *элементы*...» (Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда». 16 июля 1956. Строго секретно.)

«...Недружественно относящиеся к Советскому Союзу *элементы* пытались раздуть вокруг выхода этой книги шумиху...» (Записка Отдела культуры ЦК КПСС от 20 февраля 1958 года о романе «Доктор Живаго».)

«Имеются сведения, что определенные *элементы* будут выдвигать этот роман на Нобелевскую премию, имея в виду использовать его в антисоветских целях». (Записка отдела культуры ЦК КПСС от 5 апреля 1958 года.)

«Поскольку в некоторых литературных объединениях... подвизаются разного рода сомнительные лица и шизофреники... горкомом партии приняты меры к...очищению их от антиобщественных *элементов*». (Записка секретаря МГК КПСС в ЦК КПСС от 6 декабря 1965 года.)

«После освобождения из больницы Григоренко восстановил связи с Сахаровым и другими ревизионистскими *элементами* — активными участниками антиобщественной деятельности». (Записка Ю. Андропова в ЦК КПСС от 12 февраля 1976 года — речь идет об отважном советском генерале П. Г. Григоренко, резко выступавшем против «линии партии».)

И, наконец, в те же 70-е годы — разговоры в советском концлагере:

«— Ты что же, членом партии был? Почему в секретари попал?»

— Нет, просто грамотных в селе не было, а я грамотный, а потом сказали: «втерся чуждый *элемент*». За то и посадили». (Гаген-Торн Н. Memoria. М., 2009.)

4.

Ну и, наконец, «хорошие» слова *труженик*, *трудящийся*. Остановимся напоследок только на одном из них.

Слово «труженик» было в нашем языке издавна. Но оно, что называется, знало свое место.

Примерно с середины тридцатых годов это слово получило широчайшее распространение, причем в определенных словосочетаниях: простые труженики, рядовой труженик, труженики тыла, села, полей, сельского хозяйства и проч.

Ограничимся дальше только цитатами. Они, по моему разумению, не требуют никаких пояснений.

«Когда говорят о философском фронте, то сразу же напрашивается представление об организованном отряде воинствующих философов... вооружающих *тружеников* социалистического общества сознанием закономерности своего пути...» (Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевро-

пейской философии» 24 июня 1947 года.)

«Герой лирики и эпоса А. Твардовского — сознательный *труженик* социализма... неизмеримо выросший за годы советской власти, приобретший в созидательном труде и в рядах Советской армии ряд новых, небывалых черт психологии и сознания...» (Тарасенков А. Александр Твардовский, апрель 1955.)

«...Писатель создает обаятельные образы простых *тружеников* Афганистана, подчас темных, забытых, живущих полукочевой жизнью, но [!] исполненных огромной любви и уважения к советским людям...» (Тарасенков А. Николай Тихонов, июль 1954 года.)

«*Труженики* сельского хозяйства в ответ на решения XX съезда также широко развернули социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий пятилетки». (Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда». 16 июля 1956. Строго секретно.)

«Творчество Шолохова глубоко гуманно, проникнуто сердечной любовью к *человеку-труженику*... С огромным уважением и искренней любовью к *человеку-труженику* написаны его замечательные книги». (Выступление Н. С. Хрущева на митинге в станице Вешенской 30 августа 1959 года.)

«Сегодня, например, я шестой раз слышу по радио такие слова: «Трудовыми успехами встречают знаменательную дату *труженики* района» (области, города, фабрики, завода, колхоза)». (Чуковский К. Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М., 1962.)

И, наконец, уже в постсоветское время (когда В. В. Путин спокойно употребляет в публичной речи слова «*труженики села*») — о том, как правящая партийно-государственная верхушка противопоставляла «народу врагов народа», отщепенцев, предателей, вредителей, шпионов. Широко употреблялись словосочетания типа «простой народ», «*трудящиеся*», «*простые труженики*», которым противопоставлялись буржуазная интеллигенция, бывшие привилегированные классы, попы, «эксплуататоры». Причем первых требовалось «беззаветно», то есть безотчетно, бессознательно, инстинктивно, любить, а вторых — так же безотчетно ненавидеть». (Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Кисториософии сталинизма. Изд. 3-е. М., 2004.)

«...Если о войне пишут подростки из Сибири, с Урала, это фактически история эвакуации (очень сильно изменившей жизнь этих регионов) или тяжелейшего труда — того, что на официальном советском языке называлось «подвигом *тружеников тыла*». (Шербакова И. Над картой памяти, 2005.)

Нина Горланова, Вячеслав Букур

Между тем Дина прикидывала: пора или еще рано родителям все рассказать? Ведь скоро президент придет ей хомячка! Из Кремля прямо.

В свои восемь лет она уже понимала: нужно выбрать самые-самые скидки в соседнем универмаге, и мама придет в хорошее настроение, купит себе настоящую косметику... А то купила недавно не такую:

— Поддельная косметика! Красоты от нее — ну никакой!

Мама купит не поддельную, вот и подходящий момент для хомячка...

С Урала в Москву — в блог президента — письмо Дины ушло давным-давно, еще позавчера.

Вы спросите: почему не Деду Морозу? Так папа ей раскрыл глаза: нет его, доброго деда.

Папа Дины преподавал фиалохолмским дошкольникам лепку и рисование. В кризис студию закрыли. Веселого в его взгляде было все меньше. И на мысли вслух (Дина так порой мечтала): напишу Деду Морозу, попрошу хомячка к Новому году, он так и заявил:

— Нет никакого Деда.

Дину после этого недолго колбасило. Да, в семье нет денег на хомячка, да, она перестала верить в Деда Мороза, но еще больше поверила в президента!

А скидки всё не маячили на витринах универмага, и Дина искала другой случай.

Первого января мама Дины поставила для детей сотрудников «Белоснежку и семь гномов». Мама шептала: «Гномы, умоляю, не дышите в зал». А светлячки вообще заплутались и выбрали к зрителям. Дети испуганно спросили:

— Вы кто?

— Свееетляячкиии, — и в доказательство протягивали детям светящиеся мобильники.

Вот, думала Дина, хомячок был бы лучше, чем огнедышащие гномы и светлячки.

Он ведь теплый, маленький, пушистый, пахнет счастьем, его можно гладить, кормить, лечить, если заболит. А главное: Дина будет как все! У всех в классе есть хомячки, а у нее нет.

— Я буду с ним разговаривать! И папе веселее, пока кризис. Вот он звонит, ищет работу, а на коленях — хомячок!

Папа до кризиса посверкивал умной лысиной и весело помахивал дремучими бровями. Мама шутила, что в роду его, видимо, была лешичиха из уральского леса...

А после увольнения его веселье стало совсем не прежним. Компьютер он звал: вампьютер, про скорую помощь говорил, что это «скорая немощь».

В общем, первого января Дина тоже не сказала про президента и хомячка.

Девятого января Дина выглянула в окно. Там перед дворцом культуры стояла огромная елка. Каждый год она тут возникает. Огромные люди в оранжевых куртках с буквами МЧС стояли на большой высоте и снимали игрушки с зеленых лап.

Дина отлично знала, что значат буквы МЧС, но ее письмо по электронной паутине уже бежало к президенту. Поэтому Дина расшифровала так: Мороз, Чудо, Солнце.

Толяшка принес свой стульчик, залез, посмотрел, чего там интересного видит сестра.

— Ни одного самого маленького снеговика нет, — сказал он недовольно.

И чтобы как-то возместить эту печальную недостачу, принялся лепить снеговика из остатков пластилина. Вышел снеговик длинный, худой.

— Дон Кихот! — воскликнула мама.

— Все же снеговик. — Папа прищурился на Толяшку. — Но в стиле Джакотетти.

Вэто время письмо Дины прочли помощники президента и привычно переслали его губернатору. Губернатор позвонил мэру Фиалохолмска и приказал зачистить школу номер три. Тот сразу потребовал номер директрисы:

— В этом твиттере кто только не кишит. Теперь еще и ваши ученики! Прекратить немедленно!

Директриса вызвала Дину в свой кабинет. — Кто тебя учит, чудовище?! Кто научил? В тырнете творится такое! Всегда...

— Евдокия Васильевна, я видела по первой программе, как девочка попросила у президента платье как у феи! И он прислал! Не знаю, как учится та девочка, а я — на «отлично».

Вдруг директрисино лицо с жестокими морщинами смягчилось:

— Ну так это платье, а ты со своими грызунами!.. Послушай, стрекоза, президент мечтает о нанотехнологиях! Как сесть на Марсе! Чтоб менты превратились в полицию и подобрели. Какое напряжение! Ночи не спит! Беспокоится о нашей безопасности!

Дина еще прикинула: нельзя ли как-то примирить хомячка с Марсом и полицией.

Думала она, думала и додумалась до того, что Марс и полиция, с одной стороны, и любовь к хомячку, с другой стороны, — с треском столкнулись где-то возле правого уха.

Девочка упала как подкошенная.

В голове зароились металлические комары, залетевшие из банано-технологий...

В скорой немощи она открыла глаза:

— Банано-технологии... Мой хомячок...

Ей на миг показалось, что она превращается в соломенное чучело: в голове что-то зашуршало.

Мама увидела в палате прозрачную Дину и сразу начала выкрикивать:

— Что они с тобой сделали, мой червячок! Ох, я напишу! Сейчас же напишу президенту! Полетят некоторые нетопыри с директорских кресел!

Но никто не полетел. Президент прочитал материнские буквы в твиттере и как добрый человек распорядился купить хомячка, да покрасивее...

Хотя мэру позвонили прямо из Кремля, губернатору мгновенно сообщили об этом друзья.

Вот что значит настоящие друзья!

Губернатор тоже оказался добрым человеком. Очень, очень попросил купить самого дорогого хомячка и гнать на служебной машине с мигалкой до детской фиалохолмской больницы, где лежит любимица гаранта, любительница хомячков. Такая маленькая, а уже пронырливая. Знать бы, кто стоит за ней. Но ничего, и не таких прокатывали.

В это время друзья мэра сообщают, что по трассе летит машина с губернаторским грызуном.

Как быть? Опередить? Это будет вызов. Приехать позже? Проявление слабости. Оставалось одно: приехать одновременно, идти немного сзади основного грызуна, но с главной стороны, то есть справа.

Но чем наша родина хороша?

Тем, что дружба для нас — это и есть национальная идея.

У брутальной школьной директрисы не осталось друзей? А вот остались. Это одно из многих наших чудес. Нашей Евдокии Васильевне позвонил зам мэра, который был влюблен в нее с восьмого класса:

— Дунечка!

И рассказал все.

Трубы. Входит Фортинбрас.

Но нет! Евдокия не сдалась.

Она тут же бросила шить для своего терьера костюм розового зайца (был замыслен в школе вечер по случаю старого Нового года) и помчалась в зоомагазин. Там все хомячки сначала при виде нее забились в дальний угол большой клетки, но услышали, что один из них попадет к девочке, и расслабились.

Папы Дины ничего не знал о спешащих с разных сторон хомячках. Он гулял с Толяшкой, который никогда не молчал:

— А Носков что — носки вяжет? А Киселев что — всегда кисель пьет?

Папа в это время думал, что нужно еще успеть в больницу к Дине. Он сказал сыну рассеянно:

— Вырастешь — наверно, тоже напишешь письмо президенту.

— Кто написал письмо президенту? — впилась в них соседка по площадке Феклуша Холмова, журналистка из «Наших холмов».

Толяшка мгновенно переключился на нее:

— Наша Дина не динозавр, лежит в больнице, но никогда не вымрет. Не думайте! Она написала президенту...

Журналистка запылала:

— Это такой информационный повод!

И постреливая на ходу из мобильного редактору, помчалась... Куда бы вы думали? За хомяком.

Теперь подведем итог: один от президента, то есть от мэра, другой от губернатора, третий от Евдокии Васильевны... И еще один — от газеты «Наши холмы»!

Сейчас мы находимся в квартире Дины. Ее только что выписали из больницы. Звонок в дверь — ученые Фиалохолмска пришли:

— У вас же налажен канал связи с президентом! Мы изобрели суставы из фиалита, но не можем внедрить! А Курган уже использует наше изобретение.

Папа Дины растерянно посверкивал лысиной.

— Мы вас отблагодарим. В случае чего, все суставы, какие нужно, поставим, — обещали горячо ученые.

Мама сказала:

— Только что от нас ушел изобретатель вечной мышеловки. И звонил еще один, предлагал внедрить индикатор НЛО. Мы им подарили по хомячку. А вот ваш. Видите, какой у него умный взгляд.

— Что за талантливый народ холмичи! — воскликнул папа, помахивая дремучими бровями.

На следующее утро папа смотрел газеты и увидел объявление: требуется дизайнер по тканям. Ему говорила мама: какой дизайнер по тканям в Фиалохолмске?! Это какая-нибудь туфта. Но он поехал. Однако, как всегда, права была мама — это оказалось похоронное бюро, там искали кого-нибудь для драпировки гробов. Обещали сразу послать в Москву на курсы, чтобы изучить новые тенденции в оформлении, современные ткани и модный колорит...

А директриса в конце концов дошла до конца костюм розового зайца для любимого терьера.

Иллюстрация С. Шведова и В. Дмитрюка

Катрин Матлен, Бернадетта Коста-Прад

Катрин Матлен — психоаналитик и педопсихолог. Практика дала ей богатый материал как для взрослых книг о психологии ребенка, о трудных детях и психоаналитической работе с ними, так и для этой, обращенной к самим детям, где в шуточной форме говорится о серьезных и грустных вещах. Бернадетта Коста-Прад — журналистка, специализирующаяся в области психологии.

Существует масса пособий на тему о том, как растить детей, но ни одной о том, как правильно воспитывать родителей. Мы решили заполнить этот пробел, чтобы облегчить тебе жизнь в семье. Побеседовав со многими детьми, мы отобрали разные типичные ситуации, но учти, тебе понадобится щепотка размышлений и две полные пригоршни хитроумия. И потом мы можем лишь кое-что подсказать, а как действовать, должен решить ты сам, в зависимости от твоего типа родителей. Ведь они друг на друга не похожи — есть суровые, есть эксцентричные, есть занудные... Но при этом у всех имеются общие признаки, благодаря которым родителя можно узнать издали.

Что такое родители

Родитель — существо тревожное по определению. Чтобы он вечно не стоял у тебя над душой, надо уметь с ним обращаться.

Родитель любит, чтобы его любили.

Совершенного родителя в природе не существует. Тем лучше — иначе ты бы умер от скуки.

Родитель часто относится к своему ребенку как к младенцу. Твое дело доказать, что ты уже вырос.

Родитель может стать отзывчивым, симпатичным, веселым — при условии, что ты сумеешь найти к нему правильный подход.

Я разочаровался в родителях: они ничего собой не представляют

Тем лучше, это нормально.

Да, не удивляйся: такое ощущение вполне естественно, хотя и тебе самому, и твоим родителям тяжело это сознавать. Ты просто вырос. В раннем детстве ты считал, что мама может все устроить как по мановению волшебной палочки, а папа — сверхгерой, которому любая опасность нипочем. Но если бы ты и сейчас так думал, это значило бы только одно — ты так и остался малышом.

Наверняка жизнь тебе уже показала: твои родители — обычные люди, а не персонажи волшебных сказок. Ты иногда замечал слабость папы, ложь мамы... Да, у взрослых есть свои недостатки, но это не мешает любить их. Неужели ты всерьез представляешь себе в роли папы и мамы Супермена и Белоснежку? Но это было бы невероятно скучно! Родители — не герои, просто хорошие люди, иногда

сильные, иногда слабые, и это уже очень и очень много. Тебе не кажется, что отец, с которым всегда можно поговорить или сыграть в футбол, лучше, чем недоступная личность, с которой у тебя нет ничего общего? Ну вот, сам видишь...

Дело за тобой!

Вспомни, какие достоинства родителей проявляются в общении с тобой. Этих достоинств несомненно больше, чем недостатков.

Понаблюдай за родителями в компании друзей. Думаем, ты убедишься, что твои родители — интересные и остроумные собеседники, что другие их ценят.

Тебе ведь хочется, чтобы родители прощали твои недостатки. Ну так будь снисходителен к их несовершенствам.

Золотое правило:

Любить кого-то значит принимать и его недостатки.

Родители любят меня меньше, чем брата или сестру

Ты уверен? Может, ты просто хочешь, чтобы родители уделяли тебе больше внимания?

Но если это правда, тебе стоит только порадоваться. Пройдет еще немного времени, и твоему брату или сестре жить станет гораздо труднее, чем тебе. Родители будут требовать от него или от нее все новых и новых успехов. Он или она во всем должны демонстрировать совершенство! И потом, когда окружающие считают человека гениальным, он вообще перестает предпринимать какие-либо усилия. Но, конечно, тебе тяжело, ты чувствуешь себя несчастным. Знаешь что? В семье полно мест, и все разные. Ты занимаешь одно место, твой брат — другое. Если родители ведут себя с ним иначе, чем с тобой, то не потому, что он лучше, что он обладает какими-то особыми достоинствами. Просто вы появились на свет в разные моменты жизни родителей. Возможно, ты представляешь себе родительскую любовь в виде пирога, который разрезается на равные части, и не дай бог, если один кусок окажется больше других. Но в том-то и дело, что для каждого ребенка родители пекут отдельный пирог. Почему? Потому что у всех разные вкусы, одни любят послаще, другим нравятся фруктовая начинка, третьим — шоколадная. С каждым ребенком у папы с мамой особые отношения. Доказательство? Когда один из детей уезжает (скажем, на каникулы), родителям его всегда не хватает, даже если дома остаются еще трое. Они не могут заменить отсутствующего! Но иногда действительно случается, что один ребенок ближе родителям, чем другие. Может быть, потому, что отец с матерью видят в нем свои собственные черты, или потому, что он больше соответствует их идеалу ребенка. Ты тут не виноват, это проблема родителей, но тебе, разумеется, обидно. Как всегда, подумай о своих преимуществах: тебе захочется очень многого добиться, чтобы показать, на что ты способен.

Дело за тобой!

Ты считаешь, что твой пирог слишком маленький? Постарайся (вместе с родителями) сам испечь новый!

Если ты чувствуешь себя уж очень несчастным, поговори об этом с кем-нибудь из родных, кому ты доверяешь. И постарайся все-таки понять, в чем дело. Может, что-то не в порядке в твоих отношениях с родителями, а брат или сестра тут ни при чем?

Золотое правило:

Быть любимчиком не значит быть счастливым. Это верно не только в школе, но и в семье.

Мама прочла мой дневник!

Когда ведешь дневник, всегда существует риск, что кто-нибудь его прочтет.

А ну-ка припомни, ты случайно не бросил его на столе? Знаешь, это примерно то же, что оставить открытую коробку шоколадных конфет с надписью «Не трогать!» Ну да, нельзя, конечно, есть чужие конфеты, но согласишься, что тут имеются смягчающие обстоятельства. Для твоей матери просто попытка посмотреть на тетрадку, которой ребенок доверяет свои секреты. Маме так хочется узнать, о чем ты думаешь, что чувствуешь... Для тебя же не новость: родители всегда считают, что дети скрывают от них самое важное. Так что хорошо бы родителей немного успокоить, но вовсе не обязательно им обо всем рассказывать. Мама с папой тайком читают твой дневник, потому что, по их мнению, у детей не должно быть секретов от родителей. Но тут они ошибаются. Ты имеешь право на собственные тайны.

Дело за тобой!

Ты не хочешь, чтобы родители к тебе приставали? Открой дневник на чистой странице и напиши большими буквами: «У меня замечательная мама!»

Кроме шуток: в дневнике можно написать для родителей что-нибудь такое, что ты не решаешься сказать прямо.

Если ты не хочешь, чтобы мама читала твой дневник, не бросай его где попало, а прячь, например, в шкафу под бельем или одеждой.

Ты заметил, что, пока тебя не было дома, родители рылись в твоих вещах? Не стесняйся сказать вслух, что тебе это не нравится, и вежливо, но твердо попроси, чтобы больше они так не делали.

А, кстати, сам ты случайно не роешься в вещах родителей? Смотри, ты подаешь им плохой пример.

Золотое правило:

Не бойся выказать недовольство, когда дело того стоит.

Старшая сестра действует мне на нервы, она все время командует!

Да, старшие сестры такие, хотят всем распоряжаться.

Но пойми и ее тоже: когда ты родился, ей было очень трудно. Раньше родители занимались только ей, а теперь все внимание перешло на тебя, по крайней мере, ей так казалось. Может быть, она даже думала, что ее сдадут обратно в магазин, где покупают младенцев, раз уж родители завели совсем новенького. Так что дело не в тебе — она сердилась бы на каждого, кто отвлек бы внимание родителей. Потом-то она тебя полюбила, но в сердце у нее осталось что-то вроде занозы... Да еще родители все время твердят: «Будь умницей, ты же старшая» или «Пожалуйста, присмотри за братишкой». Вот она и вообразила, что она главная и ты должен во всем ее слушаться. «Принеси мой свитер», «Убери со стола, сегодня твоя

очередь», а ты уж который день убираешь. Словом, она хочет диктовать свои законы. Ей тринадцать лет? Значит, она в том возрасте, когда человек ищет себя. У нее бывают хорошие дни, когда она уверена в себе, и плохие — ей кажется, что она ничего не стоит. Вот тут-то она и отыгрывается на тебе. У кого всё в порядке, тот не станет действовать на нервы другим. Она говорит, что ты еще маленький? Это чтобы убедить себя, что она-то уже взрослая. Наверно, ты понял: чем громче кто-то кричит, что он большой и сильный, тем меньше в глубине души в это верит. В общем, чтобы самоутвердиться, она тебя все время принижает. И хотя, по ее словам, ты ничего не стоишь, она вовсе не обязательно так думает. Но как бы то ни было, мы согласны — это очень неприятно.

Дело за тобой!

Не может быть и речи, чтобы тебя постоянно принижали! Поговори с родителями. Правда, скорее всего они отмахнутся: «Ничего страшного, у твоей сестры сейчас такое настроение». Тебе ли не знать своих родителей, они терпеть не могут сложностей. Им лишь бы дома было тихо, особенно если в этот день случилась неприятность на работе или пришло уведомление о сумме налога.

Не отступайся. Выбери подходящий момент. Начни со слов: «Я очень люблю сестру, но...» И дальше перечисляй все, что тебя раздражает. «Она входит в мою комнату без стука, она заставляет меня носить ее сумку...» и так далее.

Можно поговорить с кем-то одним из родителей, с тем, кто был младшим в семье. Он тебя лучше поймет. Только укажи, чем именно ты недоволен. Иногда старшая сестра раздражает просто потому, что она старшая. Ей разрешают то, что запрещено тебе. Но когда она была в твоём возрасте, ей запрещали то же самое. Потерпи, придет и твоя очередь. Кстати, ты не думал о том, что старшим труднее? Ведь им первым приходится бороться с родителями за то, чтобы в субботу вернуться поздно, или начать краситься, или купить мопед. Вот где старшая сестра может пригодиться! Она, сама того не зная, работает на тебя.

Золотое правило:

Дети не должны ничего друг другу приказывать, это дело взрослых.

Мои родители всё время ссорятся

Твои родители часто ссорятся по причинам, которые тебе непонятны.

Они много работают, у них не всегда есть время спокойно поговорить, в конце концов им становится трудно понять друг друга. Но как бы люди ни спорили, это не мешает их любви. Знаешь, иногда даже стоит поругаться: можно высказать все, что накопилось. Ты ведь сам тоже ссоришься с друзьями, и после этого ваши отношения становятся только лучше. Но ты не хотел бы, чтобы кто-нибудь вмешивался в вашу ссору. Вот и твои родители предпочитают решать свои проблемы вдвоем. Иногда дети не понимают, в чем дело, и воображают себе всякие ужасы, которых на самом деле не существует. Но не исключено, что, разгоряченные спором, они обратятся к тебе; может быть даже, один из них захочет привлечь тебя на свою сторону. И тут мы разрешаем тебе не послушаться! Вежливо скажи: «Пожалуйста, разбирайтесь сами». Возможно, в первый момент родители будут разочарованы, но одновременно и поражены твоей самостоятельностью, а после, успокоившись, они станут гордиться тобой!

Ничего не бойся: в любящей семье ссоры не ведут к разводу. Наоборот, люди иногда разводятся, потому что им не о чем спорить, нечего обсуждать. В общем, все не так просто.

Дело за тобой!

Когда родители повышают голос друг на друга, лучше всего уйти в свою комнату и переждать, пока гроза пройдет. Занимайся своими делами и не вмешивайся в родительские, иначе у тебя самого того и гляди начнутся неприятности.

Не считай, что тебе, как благородному рыцарю или отважной принцессе, нужно бросаться на помощь отцу или матери. Твои родители вполне могут разрешить свои проблемы самостоятельно.

Золотое правило:

Детям трудно понять жизнь взрослых. Так же как взрослым — разобраться в ссорах детей.

Мои родители разводятся

Если твои родители расстанутся, если кто-то из них уходит к другому мужчине или другой женщине, значит, отношения между ними уже давно испортились.

Люди не расходятся, когда у них все в порядке. Подумай: ты хотел бы, чтобы родители оставались вместе, хотя вместе они чувствуют себя несчастными? Чтобы они весь день грустили (и это наверняка сказывалось бы на детях)? Иногда, если муж и жена больше не любят друг друга, им необходимо расстаться. Это очень трудно для всех — тяжело признавать свое поражение, — но твои родители не хотят притворяться, и правильно делают. Лучше почестному уйти, чем лгать и встречаться с любимым человеком тайком. Расстаться — значит проявить уважение к себе и другому. Но для этого требуется мужество.

Возможно, ты будешь больше всего страдать из-за того, что один из родителей подавлен и несчастен. Этот родитель будет особенно нуждаться в любви; может быть, в своем горе он захочет перетянуть тебя на свою сторону. Естественным образом тебе будет трудно ему сочувствовать, но постарайся сделать так, чтобы он обсуждал свои беды не с тобой, а с другими взрослыми. Тебе не следует ругать одного из родителей, даже если у другого от этого улучшается настроение. Ты боишься, что из-за развода папа с мамой тебя разлюбят? Не беспокойся. В отличие от брака, где люди выбирают друг друга, детей объединяют с родителями то, что называют кровной связью. Можно развестись с мужем или женой, но никогда с сыном или дочерью. Отец и мать на всю жизнь остаются твоим отцом и матерью. Так же, как брат или сестра. Между вами существует нерушимая связь. Другое дело — приятели, с ними ты можешь расстаться, потому что сам выбрал их, как выбирают мужа и жену.

Дело за тобой!

Надо примириться с тем, что в этой ситуации от тебя ничего не зависит. Некоторые дети думают: если очень постараться, папа или мама вернется. Но их ждет разочарование, потому что так никогда не бывает.

Хотим тебя предупредить: не исключено, что кто-то из родственников станет плохо отзываться о твоих родителях. Не верь ему! Собери все свое мужество и скажи: «Не хочу слушать такие вещи об отце». Или о матери. Увидишь, он тут же перестанет. Требуя уважения к родителям, ты требуешь уважения к себе самому. Ведь в тебе заложено что-то от отца, что-то от матери. Отвергая кого-то из родите-

лей, ты рискуешь возненавидеть какую-то часть самого себя.

Постарайся сблизиться с родными, которые относятся к ситуации более нейтрально и спокойно.

Тот, кто ушел из семьи, часто боится, что сын или дочь на него сердится, и толком не знает, как себя вести. Но ты не смущайся и сделай первым шагом навстречу.

Ты не можешь заменить ушедшего отца или мать. Чтобы поделиться горем и пережить тяжелое время, взрослому нужна компания других взрослых.

Среди твоих приятелей наверняка есть такие, у которых родители тоже разошлись. Поговори с ними, тебе станет легче. Скорее всего они тебе объяснят, что постепенно все наладится.

Конечно, вначале бывает очень трудно, но в конце концов твои родители справятся с этим испытанием. Ты не должен их судить. Главное — чтобы папа и мама вели себя с тобой так же, как до развода.

Золотое правило:

Хотя твои родители больше не любят друг друга, это не значит, что они не любят тебя.

Я ненавижу мачеху (или отчима)

Не беспокойся, вначале это почти неизбежно.

Давай разберемся в ситуации. Первый вариант: после развода кто-то из твоих родителей сразу ушел к другому человеку, и тебе кажется, что этот другой как бы похитил твою мать или отца. Ты ошибаешься. В главке «Мои родители разводятся» мы написали о том, что люди расходятся, когда их отношения безнадежно испорчены. Второй вариант: новый член семьи появляется позже, когда ты уже (не без труда) приспособился жить вдвоем с отцом или матерью и у вас образовались свои привычки. Например, тебе приснился страшный сон — и ты забираешься в постель к маме или папе. Холодильник пустой — вы отправляетесь в кафе. И вдруг в вашу размеренную жизнь врывается непрошенный гость. Согласны, это очень неприятно. Ты находишь у него сплошные недостатки, тогда как мама или папа — сплошные достоинства.

А теперь приглядишься внимательнее к чужаку и постараемся его понять. И тут возможны два варианта. Первый: пришелец хочет во что бы то ни стало с тобой подружиться. Он делает все, чтобы понравиться, он очень боится помешать, особенно вначале. Может быть даже, он покажется тебе лицемером. Но не будем придирааться, потому что это все-таки лучше, чем второй вариант.

А второй вариант такой: новый человек решает, что вы живете неправильно и его долг — навести порядок. К тому же, по его мнению, ты приобрел дурные привычки, от которых следует избавляться. Ох, вот тут-то и начинается самое неприятное. Постарайся поговорить с тем из родителей, с кем ты живешь, и объяснить: ты не любишь, чтобы тобой командовали. Тем более, это даже не твой родной отец или родная мать... Но как бы то ни было, отчим или мачеха никуда не денутся, и тебе — хочешь не хочешь — надо будет приспособиться к совместной жизни. Не спорим: тяжело видеть на месте отца или матери чужого человека. Но пойми: изменить эту ситуацию не в твоих силах, сколько бы ты ни досаждал непрошеному гостю. Думаешь, что сможешь его прогнать? Выкини эту мысль из головы, у тебя ничего не получится. Это ни у кого не получается. Лучше успокойся и постарайся найти с отчимом или

мачехой общий язык. Никто тебя не обязывает их любить, но почему бы не установить с ними хорошие отношения? Может быть, вы даже подружитесь. Мало у кого в твоём возрасте есть взрослые друзья. Воспользуйся случаем! И не считай, что подружившись с отчимом или мачехой, ты предашь отца или мать. Это не так. Подумай о том, что мамин новый муж или папина новая жена могут тебе многое дать.

Дело за тобой!

Между нами: скажи честно, что именно в отчине или мачехе тебе не нравится. Им ведь тоже нелегко, как нелегко всем, кто начинает новую жизнь в чужом доме. Даже если они решили навести в этом доме порядок, им хочется нравиться не только твоему отцу или матери, но и тебе тоже. Поскольку родители обычно не любят жить с теми, кто не невзлюбит их детей.

В семье появился новый человек; помоги ему вместо того, чтобы встречать в штыки каждую его попытку сделать тебе приятное. Во-первых, ты и сам будешь чувствовать себя лучше. Во-вторых, если станешь без конца враждовать с отчимом или мачехой, в доме начнутся скандалы, ты испортишь отношения с отцом или матерью, словом, сам сделаешь себе хуже.

Ты, кстати, обратил внимание, что в последнее время мама или папа стали веселее и спокойнее? Если новый член семьи делает их счастливыми, это для него скорее плюс, ты не находишь? То, что мама или папа завели себе нового спутника жизни, вполне естественно. Ну-ка припомни: когда родителям хорошо, они оставляют тебя в покое. Когда они грустят, ты обычно чувствуешь себя обязанным их утешать. Так что не досаждай отчиму или мачехе, чтобы им не захотелось сбежать, наоборот, всячески их обхаживай. Занимаясь твоим отцом или матерью, они оказывают тебе огромную услугу.

Золотое правило:

Каждое новое знакомство дает нам возможность узнать что-то сверх того, что уже известно, и духовно обогатиться. Это относится и к новому мужу твоей матери, и к новой жене твоего отца.

Мой брат — инвалид

Когда кто-то из детей инвалид, родители отдают ему все силы, потому что он требует много внимания и забот.

И ты ревнуешь к нему еще больше, чем ревновал бы к здоровому брату. Иногда тебе кажется: родители вообще забыли, что у них есть второй ребенок. Ты ошибаешься. Знай: даже будь у твоих родителей двенадцать здоровых детей и один, тринадцатый, калека, из-за этого тринадцатого они бы очень страдали, и все двенадцать не могли бы их утешить. Здоровым это всегда неприятно, но ничего не поделаешь. Так уж устроены родители — для них ни один ребенок не может заменить другого. Беда в том, что ребенку-инвалиду родители иногда слишком много позволяют. И тут мы хотим тебе сказать: родители поступают неправильно. Конечно, у них большое горе, но все равно инвалиду нельзя постоянно уступать. Ты имеешь право вслух выразить недовольство. Твой брат — член семьи, он должен в меру сил подчиняться тем же правилам, что остальные. Иначе он быстро усвоит, что может делать все, что захочет, потому что «бедняжка, он же инвалид...»

Дело за тобой!

Тебе предстоит серьезная работа. Нужно, чтобы родители поняли: обращаясь с больным иначе, чем с другими детьми, ничего от него не требуя и прощая ему все капризы, они только ухудшают его состояние. Даже инвалид должен соблюдать определенные правила совместной жизни. Иначе обстановка в семье становится невыносимой.

Чем ты рискуешь: родители потребуют от тебя совершенства. Ты должен быть первым учеником, никогда не болеть, не впадать в плохое настроение, не жаловаться: на помощь! Тебе придется внушить папе с мамой, что кроме инвалидности в жизни существуют и другие проблемы. Ты пробовал и у тебя ничего не вышло? Тогда попроси поговорить с ними бабушку, дядю, кого-нибудь из их друзей — любого взрослого, кому они доверяют.

Ты имеешь право на собственную жизнь, на собственные интересы. Если будешь постоянно сидеть дома, чтобы не оставлять брата в одиночестве, ему это все равно не поможет.

Другая проблема: стоит тебе рассердиться на больного брата, как ты сразу чувствуешь себя виноватым. И зря! Если тебя иногда охватывает гнев, это вполне естественно. И не считай себя чудовищем, когда тебе захочется хорошенько стукнуть больного брата, потому что уж очень он тебе надоел. Но и чрезмерно оберегать его тоже не следует.

Постарайся не заикливаться на болезни брата. Он ведь может многое тебе рассказать, о многом поговорить. Слушай его внимательно. Ты узнаешь немало нового и, возможно, начнешь смотреть на жизнь и окружающих по-иному.

Золотое правило:

Общаясь с братом, не похожим на других, ты станешь человечнее и терпимее.

То, что ты прочел, тебе понравилось?

Подари книжку приятелю на день рождения. Положи ее дома на видном месте, чтобы она бросилась в глаза родителям. Открой на странице, касающейся твоего брата или сестры, и будто нечаянно оставь книжку у них на кровати.

Перевод
с французского
И. Дмоховской
(Париж)

Победители конкурса получили награды

Московский городской Дом учителя принимал победителей и лауреатов Первого всероссийского конкурса среди преподавателей «История 90-х», организованного Общественным Советом «Уроки девяностых» и ЗАО Издательский дом «Учительская газета».

Торжественный вечер открыл главный редактор «Учительской газеты» Петр Положевец. Он не согласился с мнением некоторых ученых-историков, что период 90-х годов еще не история: «для людей, которые жили в это время, и тем более для поколения, родившихся после 91-го года, — это самая настоящая, конкретная история». П. Положевец подчеркнул важность периода последнего десятилетия XX века для истории современной России и отметил стремление победителей конкурса максимально объективно разобраться в сути происходивших перемен.

Директор по развитию проекта «Уроки 90-х» Михаил Каган рассказал об истории проекта: «В определенный момент стала очевидна однобокость, с которой СМИ преподносят историю этого периода, а с другой стороны — важность изучения периода подрастающим поколением». Оценивая результаты первого конкурса «История 90-х», М. Каган обратил внимание собравшихся на то, что этот конкурс сразу задал очень высокую планку: «Мы получили почти полтораста интереснейших работ, которые дали нам богатый методический материал. Конкурс превзошел все наши ожидания».

Среди поступивших на конкурс «История 90-х» работ из 118 городов России экспертной комиссией были отобраны девять лучших. Победители получили дипломы и памятные призы. Сами учителя признаются, что им нелегко далась подготовка конкурсных работ: «Для нас история девяностых — это наша жизнь, слишком близко отстоят эти годы от нашего времени, чтобы суметь дать им объективную оценку. Девяностые — это непаханое поле, это действительно огромный, неизученный массив информации», — сказала преподаватель обществознания и права из города Полевской Свердловской области Ольга Пашиева, победитель в номинации «Сценарий урока истории, обществознания, граждановедения».

Победителям конкурса и гостям торжественного вечера была представлена концепция нового интерактивного учебно-методического комплекса по истории России в период девяностых годов, который позволяет выйти за рамки традиционного обучения, обогатить стандартное школьное преподавание использованием современных интерактивных технологий. Учителя выразили готовность применять новые материалы на практике, а также активно участвовать в наполнении курса содержанием, включая историю последнего десятилетия XX века из своих городов и регионов.

Педагогические конкурсы, по мнению экспертов и самих участников — это не только инструмент для открытия новых талантов, но и значительный стимул для творческого поиска и дальнейшего профессионального роста преподавателей.

С 1 сентября открывается подписка на «Семью и школу» на 2012 год

В любом отделении связи вы сможете оформить подписку на журнал по одному из следующих индексов:

70909 (подписка на первое полугодие) и **72372** (годовая подписка) —

Агентство подписки и розницы, оформление по Объединенному каталогу «Пресса России»;

70906 (подписка на первое полугодие) и **83335** (годовая подписка) —

Агентство «Роспечать», получение журнала бандеролью, оформление по каталогу «Роспечать»;

99351 (подписка на первое полугодие) и **11387** (годовая подписка) —

Межрегиональное агентство подписки, оформление по каталогу «Почта России».

Можно также подписаться через редакцию.

В августе проходит досрочная подписка на журнал по ценам 2011 года.

Продолжается подписка на оставшиеся месяцы 2011 года.

Подробности — на сайте mag7a.narod.ru

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в августе 2011 года:

- фотоконкурс «Цветы жизни»;
- викторина «Творчество Владислава Крапивина»;
- августовский выпуск развивающей стенгазеты «Солнышко»;
- традиционные фотоконкурсы детского обаяния и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

Из грибного лукошка

Грибы можно готовить многими способами: запекать, жарить, тушить, мариновать, солить и сушить. Учитывая высокие ароматические и вкусовые достоинства грибов, в традиционной кухне их считают, прежде всего, одним из ценнейших дополнений к супам и соусам. Они входят в состав разных видов фарша и служат основой многих самостоятельных блюд.

Лесные грибы с пряными травами

700 г свежих лесных грибов, 40 г сушеных грибов, 2 столовые ложки коньяка, полстакана кипятка, половина чайной ложки соли, 100 г лука-порей (только белая часть), 3 зубчика чеснока, 15 рылец шафрана, 3 столовые ложки растительного масла, столовая ложка мелко нарезанных свежих листьев чабера, 2 столовые ложки мелко нарезанной зелени кинзы, полстакана мелко нарезанной зелени петрушки, соль, молотый черный перец, стакан йогурта.

Сушеные грибы залить кипятком и коньяком и оставить на час-два. Свежие грибы тщательно вымыть, обсушить, выложить на сито, обдать кипятком, затем холодной водой и нарезать ломтиками. Вымытый порей нарезать тонкими ломтиками. В кастрюле разогреть масло, положить порей и жарить минуту, перемешивая. Добавить нарезанные свежие грибы, перемешать и жарить на довольно сильном огне 5 минут. Добавить мелко нарезанный чеснок, чабер, нарезанные тонкими ломтиками сушеные грибы, влить грибной отвар, накрыть крышкой и тушить 15 минут. Добавить соль, перец, зелень петрушки и кинзы, хорошо перемешать и тушить на умеренном огне 25 минут. Шафран залить столовой ложкой кипятка, смешать с чайной ложкой растительного масла и йогуртом. Снять крышку с кастрюли, увеличить огонь и дать грибам освободиться от излишней влаги. Влить йогурт, перемешать и подогреть. Блюдо можно подавать на стол как горячим, так и холодным..

Грибы в винном соусе

500 г свежих лесных грибов, 2 большие луковицы, 2 моркови, 2 больших мясистых помидора, соки и тертая цедра лимона, соль, молотый черный перец, 4 столовые ложки растительного масла, полтора стакана, сухого белого вина, 3 столовые ложки мелко нарезанной зелени укропа.

Грибы очистить, вымыть и нарезать ломтиками. Очищенный лук нарезать кубиками, очищенную и вымытую морковь натереть на крупной терке. Помидоры обдать кипятком, снять кожицу, нарезать крупными кубиками, удалить зерна. В кастрюле с толстым дном сильно разогреть 2 столовые ложки масла, вложить грибы и минуту жарить. Посыпать солью и перцем, влить вино, накрыть крышкой и тушить на слабом огне 25 минут, время от времени перемешивая. На сковороде разогреть 2 столовые ложки масла, вложить лук, слегка подрумянить и вместе с натертой морковью и помидорами добавить к грибам. Тушить 5 минут, заправить лимонным соком, цедрой, солью и перцем. Подогреть, посыпать зеленью укропа. Подавать грибы с макаронами, кашей или жареным картофелем.

Отбивные из грибов-зонтиков

8 раскрывшихся шляпок молодых зонтиков, 5 столовых ложек муки, 3 яйца, 6 столовых ложек панировочных сухарей, соль, молотый черный перец, стакан молока.

Шляпки зонтиков тщательно, но очень осторожно вымыть, выложить на большое блюдо, залить молоком и оставить на несколько минут. Обсушить, посыпать солью и перцем, выложить на доску и накрыть второй доской. Оставить под гнетом на 15 минут. Грибы панировать в муке, разболтанном яйце и панировочных сухарях. На большой сковороде разогреть масло, подрумянить шляпки с обеих сторон, уменьшить огонь и жарить еще около 10 минут. Подавать грибы с картофелем, политым маслом и посыпанным зеленью укропа, и с салатом из сырых овощей

Запечённые белые грибы

1 кг свежих белых грибов, 100 г сливочного масла, 100 г твердого сыра, 50 г черствого белого хлеба, полстакана молока, столовая ложка панировочных сухарей, 2 столовые ложки растительного масла, 2 зубчика чеснока, чайная ложка горчицы, щепотка молотого мускатного ореха, соль, молотый черный перец.

Нагреть духовку до 180 градусов. Хлеб замочить в молоке. Грибы вымыть, очистить, обсушить, отделить ножки. Шляпки выложить на противень и поставить в духовку на 15 минут. Ножки мелко нарезать и поджарить со столовой ложкой сливочного масла. Отжать замоченный хлеб и растереть ее со столовой ложкой сливочного масла, растертым с солью чесноком, перцем, мускатным орехом, растительным маслом и поджаренными грибными ножками. Огнеупорное блюдо смазать сливочным маслом, выложить на него половину грибного фарша, на фарш выложить шляпки (выпуклыми частями вниз). Накрыть оставшимся фаршем, посыпать панировочными сухарями, смешанными с тертым сыром. Запекать около 45 минут, при этом за 15 минут до окончания приготовления увеличить огонь, чтобы грибы хорошо подрумянились. Подавать грибы с картофелем и салатом либо как горячую закуску.

Грибная запеканка с гречневой кашей

700 г свежих грибов (белых, подберезовиков, подосиновиков), 250 г гречневой крупы, луковица средней величины, стакан сметаны, 100 г сливочного масла, яйцо, 3 столовые ложки тертого твердого сыра, соль, молотый черный перец.

Гречневую крупу промыть. Вскипятить воду (на 1 стакан крупы — полтора стакана воды), посолить, добавить 3 столовые ложки масла, вложить крупу. Варить на очень слабом огне. Когда вся вода впитается, перемешать и поставить в нагретую духовку. Грибы очистить, промыть в проточной воде, обсушить и нарезать ломтиками. Очистить и мелко нарезать лук. Растопить на сковороде 3 столовые ложки сливочного масла, вложить лук, слегка поджарить, добавить грибы и жарить минуту на довольно сильном огне. Уменьшить огонь, накрыть крышкой и тушить, время от времени перемешивая. Перед тем как блюдо будет готово, приправить по вкусу солью и перцем. Огнеупорную форму смазать маслом, положить половину каши, выложить на нее грибы, а сверху — оставшуюся кашу. Хорошо разболтать сметану с яйцом, полить ею кашу, посыпать натертым сыром и поставить в нагретую духовку. Запекать до тех пор, пока сыр не подрумянится. Подавать с сырыми овощами.

панорама

Памятник выдающемуся поэту, лауреату Нобелевской премии Иосифу Бродскому был открыт в Москве. На

открытии министр культуры России Александр Авдеев напомнил, что Бродский не вписывался в признанные «каноны советского человека». По определению властей того времени, он был туземцем. В 1964 году суд приговорил Бродского к пяти годам ссылки в дикую глушь. После многочисленных обращений творческой интеллигенции в защиту поэта Бродский вернулся в Ленинград. Но в 1972 году его вынудили эмигрировать в США.

На торжественную церемонию открытия композиции пришли сотни поклонников творчества поэта. Памятник работы народного художника России скульптора Георгия Франгуляна и архитектора Сергея Скуратова представляет собой несколько плоских фигур на гранитном постаменте, центром которой является изображение самого поэта. Автор монумента передал свою работу в дар городу. Георгий Франгулян трудился над созданием памятника семь лет. Лично знаком с Бродским он не был, но высоко ценит его поэзию: «Я люблю его тональность, отношение к жизни. Его иронию и одновременно невероятную глубину и мудрость. Мне кажется, что человек такой глубины воспринимает мир так, как следовало бы многим».

По словам Евгения Рейна, это «день победы поэзии над иногда суетной и низкой прозой жизни».

В восточном крыле Главного штаба в Санкт-Петербурге, где теперь размещается коллекция современного искусства «Эрмитажа», будет открыта постоянная инсталляция «Красный

вагон» Ильи и Эмилии Кабаковых. Живущие под Нью-Йорком художники передали свою знаковую работу, созданную в 1991 году в Германии, в дар петербургскому музею.

Инсталляция состоит из выполненной в конструктивистской манере деревянной лестницы, девятиметрового ящика — «вагона» и небольшого крыльца со сломанными ступенями, засыпанного строительным мусором. По мысли художников, эти три элемента являются метафорой трех периодов советской истории: построения нового советского общества, закрытого «советского рая», где время остановилось, и распада.

— В этом «вагоне», — говорит Кабаков, — мы хотели создать петлю времени, где будущее соединяется с прошлым совершенно странным образом. Первая часть (лестница) представляет собой утопическую мечту движения вверх, к небу, или движение к будущему.

Но внутри вагона, откуда доносится музыка (состоящая из советских песен 1930–40-х годов композиция Владимира Тарасова), человек, наоборот, погружается в прошлое».

— Третий элемент инсталляции, — пояснила Эмилия Кабакова, — это период перестройки — мусор.

Посетитель инсталляции поднимается по лестнице в надежде войти в «вагон», но обнаруживает, что дверь внутри заперта. Лишь спустившись вниз, он обнаруживает вход. Оказавшись внутри «вагона», зрители садятся на деревянные скамьи и начинают рассматривать типичный соцреалистический пейзаж, слушают песни, полные оптимизма и теплоты. Однако вместо энтузиазма и желания приблизить светлое будущее у зрителя возникает ощущение ностальгии и желание повернуть время вспять.

С точки зрения художников, эта работа отсылает зрителя не к политическому наследию Сталина, Брежнева и Андропова, а к художественному наследию Владимира Татлина и Эль Лисицкого. Однако, используя символы этих художников, «Красный вагон» создает их противоположности: лестница, которая у авангардистов вела в новый рай, здесь ведет в никуда, а сам «вагон», который должен мчаться вперед на большой скорости, обречен на вечную стоянку, у него даже нет колес.

Режиссер Евгений Цымбал поставил документальный фильм «Тетрадь из сожженного гетто» по одноимен-

ной книге Тамары Ростовской и очерку ее брата Виктора Лазерсона. Это история девочки, чудом выжившей в адском огне Холокоста. Тамара Ростовская, урожденная Лазерсон, находясь в Каунасском гетто, вела дневник, фрагменты которого сохранились. Они-то и легли в основу фильма.

Евгений Цымбал — дважды обладатель Российской Национальной кинематографической премии «Ника», премии Британской академии кино и телевидения. Режиссер фильмов «Защитник Седов», «Повесть непогашенной луны», «Сны Сталкера», «Дзига и его братья» и других.

С Евгением Цымбалом встретился корреспондент Русской службы «Голоса Америки» Олег Сулькин.

Евгений Цымбал: Поначалу интерес к проекту проявлял Первый канал. Мы съездили в Израиль, в Хайфу, записали 10-часовое интервью с Тамарой Лазерсон (сейчас ее фамилия Ростовская). Одна из немногих выживших узников Каунасского гетто, она вела дневник. Как и ее брат. Дневники брата и ее дневник за 1941 год погибли. Тамару спасли от смерти. Но если Анна Франк, погибнув, стала легендой, символом глобальной трагедии Холокоста, то о Тамаре долгое время никто ничего не знал.

Согнав евреев Каунаса и окрестностей в гетто, немцы впоследствии вывезли их в лагерь смерти. Отец Та-

мары — Владимир Лазерсон, крупный ученый, психиатр, психотерапевт, ученик Фрейда и Шарко. Мать была детским психологом. Родители Тамары погибли, а она и брат уцелели. Брат

убежал. Ее спасла подпольная организация, которая вызволяла детей из гетто и передавала в литовские семьи. Когда пришла Красная армия, чекисты обвинили их в «гестаповско-сионистском заговоре» и отправили в сибирские лагеря.

Материала сохранилось крайне мало. Немцы никому не разрешали снимать в гетто, а в своих пропагандистских съемках все инсценировали. Тайно снимал узник гетто фотограф Георг Кадиш. Он прорезал свой кожаный плащ под лацканом, там спрятал фотоаппарат, отгибал лацкан, нажимал спуск и делал снимки. Они стали летописью гетто.

О. С.: А кто вам помог завершить фильм? Ведь в его выходных данных Первый канал не значится.

Е. Ц.: Первый канал давал бесконечные поправки. В сентябре 2009 года фильм вообще закрыли. Я десять месяцев искал деньги. К кому только не обращался! И к еврейским организациям, и к нееврейским. На наше счастье, нашелся в Торонто доктор медицины Валерий Коган, большой энтузиаст искусства, организатор Фестиваля русского кино в Торонто. Валерий нашел деньги, что позволило закончить картину.

О. С.: Почему вы считаете необходимым напоминать сегодня об ужасах Холокоста?

Е. Ц.: Сегодня заметна тенденция убирать шоковые моменты истории,

чтобы, дескать, не возбуждать ненависть между народами. Но в показе истории надо быть честными. Увы, в России люди отравлены ложью за годы советского режима. И нужно еще много лет, чтобы вытравить весь яд. Для этого нужно выпускать честные книги, делать честные фильмы.

О. С.: Издавалась ли книга Тамары Ростовской в России?

Е. Ц.: Книга Тамары Ростовской после 67 лет неизвестности начала новую жизнь. С подачи историка, географа и литератора Павла Поляна, которого я увлек этой книгой, она в журнальном варианте только что напечатана в «Новом мире». Выходит книга и отдельным изданием. Уже есть предложение о переводе книги на английский и издании ее в США.

Лингвист Наталья Бонк рассказала продюсеру Би-би-си Евгению Влащенко о том, как хотела стать актрисой, а стала учителем и автором учебника, по которому изучали английский язык несколько поколений россиян. Учебнику английского языка Бонк, Котий и Лукьяновой более полувека.

Би-би-си: Наталья Александровна, в детстве вы мечтали стать актрисой. А когда вы начали увлекаться английским языком?

Наталья Бонк: Я действительно мечтала стать актрисой, любила то, что я называла «представлять». Сказать, что я мечтала изучать английский язык, я не могу. Я попала на факультет английского языка МПШИЯ в 16 лет по чистой случайности...

Иногда я в войну оставалась в квартире совершенно одна. В мои обязанности входило вовремя отоварить продовольственные карточки. Однажды я очень удачно отоварила эти карточки и решила на радостях идти пешком. Пошла по Остоженке и увидела на здании надпись «Московский государственный институт иностранных языков». И решила зайти.

Походила по пустому зданию, дошла до кафедры английского языка. Там сидел профессор фонетики Александр Львович Трахтеров. Я сказала, что закончила школу и хотела бы поступить на первый курс. Он спросил: «Почему английский язык?» Я ответила, что по-немецки я уже говорю, к тому же свободно, поскольку учила его с детства подражательным способом (нам ничего не объясняли, мы просто говорили по-немецки с человеком, для которого это был родной язык). В итоге меня приняли.

Би-би-си: Светлана Аллилуева, с которой вы учились в элитной московской школе, в автобиографии писала, что многие ожидали, что вы сделаете блестящую карьеру, а вы стали преподавателем английского.

А как вы сами оцениваете свою судьбу и карьеру?

Н. Б.: Светлана Аллилуева на год моложе меня, и мы по определению не могли дружить. Она была очень скромной девочкой, отличницей — в отличие от своего старшего брата...

После войны я встретила Светлану в Консерватории. Она спросила: «Ты, конечно, в ГИТИСе?» Я ответила, что никуда и не могла пробоваться, а окончила институт иностранных языков. И она действительно была огорчена...

Би-би-си: А как появился на свет ваш первый учебник?

Н. Б.: Ко мне на урок пришла старший преподаватель курса. Прислушав урок, она сделала кое-какие замечания и спросила, где я беру упражнения. Я сказала, что пишу их сама. Мне предложили руководить небольшой группой преподавателей по подготовке материала для проведения занятий по английскому языку. Очень скоро ко мне присоединились Галина Акимовна Котий и Наталья Анатольевна Лукьянова (она стала моим основным соавтором).

Би-би-си: В последние годы появляется все больше языковых учебных интернет-ресурсов. Как вы считаете, у них есть шанс со временем заменить традиционный учебник и учителя в аудитории?

Н. Б.: В интернете много полезных вещей. Вытеснит ли он традиционные учебники? Может быть. Другое дело — вытеснит ли интернет живое общение на уровне человек-человек. Если это произойдет, тогда считайте, что все старания Господа Бога по созданию человека пропали даром.

Сандро Боттичелли

Паллада и Кентавр

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в рамках года Италии в России продолжает показ шедевров итальянского искусства. Не успела рафаэлевская «Дама с единорогом» покинуть стены музея, как ей на смену открылась очередная выставка одной картины. На этот раз из галереи Уффици привезли полотно Сандро Боттичелли «Паллада и Кентавр». Написанное около 1488 года, оно предназначалось для Лоренцо Пьерфранческо, кузена Лоренцо Великолепного, и долгие годы находилось на его вилле Каstellо, там же, где два других создания Боттичелли «Весна» и «Рождение Венеры».

Сюжет картины загадочен. И Афина Паллада, и Кентавр вооружены. Афина — алебардой, Кентавр — луком и колчаном со стрелами. Они олицетворяют два противоположных начала: животное, стихийное начало, способность к буйству и разрушительным страстям (согласно мифам, Дионис покровительствовал этим странным существам — полулошадям, полулюдям — и частенько дарил им бочонки с вином, а меры они ни в чем не знали), и другое начало, связанное со сферой духа и разума, воплощением небесной мудрости и бесстрастия. Сражение невозможно — Кентавр повержен одним видом богини. Царственным жестом Афина хватает Кентавра за волосы, и лицо его искажается мукой и мольбой о пощаде.

Что означает эта аллегория? По одной версии, сюжет соотнесен с политическим и событиями эпохи. Предполагали, что картина — восхваление дипломатических успехов Лоренцо Великолепного при подавлении заговора Поцци. Основанием для этого предположения послужили эмблемы Медичи на платье Паллады. Но ведь картина была заказана кузеном Лоренцо как свадебный подарок. Уместно ли посвящать подарок невесте восхвалению успехов Великолепного?..

Другая версия настаивает на философской идее картины. Боттичелли был близок и дружен с поэтами и философами из окружения Лоренцо Великолепного. Павел Муратов в книге «Образы Италии» называет его одним из самых интеллектуальных художников эпохи Возрождения, ставит его в один ряд с Леонардо да Винчи. В это время знание сочинений Платона не было чем-то исключительным. Его читали в переводах и в подлиннике, влияние греческого философа на друзей Боттичелли было неоспоримым, их стали называть неоплатониками. Они утверждали: природа человека двойственна, она соединяет в себе животное, телесное начало и сферу духа, устремленного к божественному свету, к идеальному миру. Наслаждение, лишённое плотской чувственности, дарит состояние покоя. И только в этом состоянии возможно слияние с Богом.

Можно предположить, что сюжет картины — о победе разума над страстями и невоздержанностью, о торжестве гармонии. Но художник превозмогает философа. Страдание и боль, искажающие лицо Кентавра, — притягивают, это лицо мученика. И любясь властной богиней, мы сострадаем чудищу. Победа Паллады несомненна, но торжествует ли гармония?

На создание картины оказала влияние история, имеющая отношение к потаенной жизни художника. Мы не знаем ту женщину, которую он любил. Была ли у него своя Беатриче? Между тем все женщины на его картинах (мадонны и греческие богини) похожи: правильная почти до невырази-

тельности красота, в которой что-то колдовское и призрачное; большие ясные глаза на бледном лице глядят с бездумной величавостью, но грустная складка губ оставляет впечатление покорности и беззащитности. Легенда утверждает, что это лицо реальной женщины, что через всю жизнь Сандро пронес любовь к Симонетте Веспуччи.

Вместе с мужем Марко Веспуччи шестнадцатилетняя Симонетта появилась во дворце Лоренцо Великолепного во время одного из грандиозных приемов в 1469 году. Лоренцо был поражен ее красотой, его брат красавец Джулиано влюбился в Симонетту с первого взгляда, и она ответила ему взаимностью. В Симонетту была влюблена вся Флоренция. Считалось, что она смягчает нрав Великолепного, что под ее влиянием Лоренцо стал сочинять стихи, а повеса Джулиано воспылал любовью к искусствам. В честь Симонетты устраивались турниры. Штандарт для такого турнира Джулиано заказал Боттичелли. На нем должно было изобразить Афину с лицом Симонетты. По-видимому, красавица позировала Сандро. Едва ли он пытался привлечь ее внимание. Она казалась ему неземным существом. А сам он в глазах всех, кто его знал, был «бочоночком». Боттичелли — прозвище, означает оно «бочоночек». В детстве так прозвали его брата, а потом прозвище перешло к нему и прилипло. Красавица и чудище.

Через год Симонетта умерла от чахотки. Джулиано мечтал о смерти, и во время заговора Поцци подставился под кинжалы заговорщиков. Искусство Боттичелли становится размышлением и памятью об их любви, в которой отражено присутствие и его любовь. Весь его мифологический цикл, как считает Павел Муратов, посвящен этой памяти: «Венера и Марс» — Симонетта и Джулиано, усталые путники, только что перешедшие полдень любви. «Примавера» — их любовь, окутанная тенями вечера, когда воспоминания о первой встрече уже смешиваются с предчувствием смерти, и вечный обет души сменяют простые наслаждения. «Рождение Венеры» — явление красоты в мир. С такой отчетливостью написано лицо Венеры, что кажется — художник только что увидел его: невыразимо правильный овал, тонкие приподнятые брови и грустная складка губ.

О «Палладе и Кентавре» Муратов не пишет. Но, несомненно, полотно входит в боттичеллевский цикл античных грез: та же утонченность и гармония пропорций, текучесть линий, ощущение бесплотности. Образ страдающего кентавра — некий диссонанс, но истинная поэзия допускает диссонансы. Богини похожи — это дань памяти Симонетте. В торжестве Венеры и Афины есть тень призрачности, и «ни одна капля материи не тяготит бесплотных невесомых линий...»

Большой художник уходит неразгаданным. Мы высказываем предположения, строим догадки. Они обостряют наше зрение, возбуждают эмоции, и нам кажется, что мы понимаем, что хотел сказать автор. Но так ли это?..

В последние годы жизни Боттичелли переживал душевный кризис, выказывал свои симпатии доминиканскому монаху Савонароле, который распространил понятия греховности на искусство, поэзию, науку; в кострах на улицах горели картины, книги... Вазари в своих «Жизнеописаниях» пишет, что увидел художника уже больным: «...ходил, опираясь на две палки, ибо выпрямиться уже не мог, и умер немощным калекой». Боттичелли завещал похоронить себя в родной Флоренции, на кладбище Оньисанти. Там он и был погребен в мае 1510 года рядом с Симонеттой Веспуччи.

Л. Осипова

Фото Елены Боковой